

Алексей Марьясов

АДЫЛ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Марьясов

СНЫ ЛИЛИТ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49389852

SelfPub; 2021

Аннотация

«Я много работаю. Я страшно много работаю, и вот, оказывается, это не делает меня счастливым. Вместо этого я вижу кошмары о нерождённом ребёнке, которыми даже не могу ни с кем поделиться. Кому расскажешь такое? Решат, что я спятил. Что до жены, то и она вряд ли пожалеет меня. Скорее, съязвит, что мои ночные видения ничуть не страшнее того, что она испытывает и переживает наяву». Автор успешного дебютного романа пытается зачать ребёнка и вернуть утраченный литературный дар. Всё это время ему снятся странные сны, в которых он умирает. Тем временем, жена писателя пробует по-своему решить проблему бесплодия и запускает цепь драматических событий. Сможет ли герой справиться с потусторонней угрозой, прорвавшейся в его настоящую жизнь? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Алексей Марьясов

СНЫ ЛИЛИТ

*Человек не может увидеть Бога и остаться в живых.
(Исх. 33. 20)*

Пролог

– Я беременна, – говорит она.

Это первое, что я слышу от неё утром. Уже несколько дней она вообще не разговаривает со мной. С тех самых пор, как решила оставить любовника и вернуться домой.

– От него? – спрашиваю я.

– Ну а от кого ещё! – огрызается она. Действительно, глупый вопрос. У нас же не было секса месяца два или около того. И с тех пор, как она вернулась, кажется, тоже не было.

Мы лежим молча, не глядя друг на друга. Раннее солнце светит в окно, выходящее на восточную сторону дома. Кондиционеры с верхних этажей настойчиво стучат каплями по подоконнику. Машин почти не слышно, сегодня выходной, и потому я дольше обычного нахожусь в постели.

Вообще-то мы муж и жена. У нас общая фамилия, общая квартира и общий ребёнок. Чего у нас нет общего, так это будущего, и я почти смирился с этим фактом.

– Что ты будешь делать? – говорю я. Не то чтобы меня очень это интересует, но ведь надо же что-то сказать. Я никогда прежде не был в такой ситуации и не знаю, что говорить. Слишком много ситуаций случается в последнее время, в которых я никогда прежде не был.

– Аборт, – отвечает она. В её голосе бесстрастность. Словно ей и правда всё равно. Словно ещё две недели назад она

не устраивала истерик, объясняя мне сквозь слёзы, что возвращается ради ребёнка.

К тому же на самом деле у нас мало причин сохранять спокойствие. Мы ненавидим друг друга. Я давно убедился, что именно в семьях созревает самая сильная ненависть. Неизвестно даже, откуда она берётся. Впрочем, всегда нужна смелость, чтобы видеть подлинные причины происходящего. А я, по правде говоря, не отличаюсь особенной смелостью.

– Понятно, – говорю я тихо, – ясно.

Мне ничего не ясно, конечно.

Два года назад у меня вышел роман «Энциклопедия поз кошачьего сна». Я размещал его в сети глава за главой. Когда появилась седьмая, у неё уже было около десяти тысяч читателей. К десятой их число удвоилось. Ближе к концу романа его прочитали уже почти сто тысяч человек. Всего я написал 72 тысячи 438 слов. У меня тогда здорово получилось заполнить ими пустоту распадающегося брака. А теперь я не могу найти одного-единственного, чтобы хоть что-то исправить ради ребёнка.

– Аборт, – снова говорит она, – аборт. Господи, какой кошмар.

Она вздыхает, точно вот-вот расплечется. Словно вот-вот настанет тот самый момент, когда ещё немного, и всё наладится. Но разве всё когда-нибудь может наладиться? Глупо тешить себя такими надеждами, будто когда-то всё действительно было хорошо.

Я тоже поднимаюсь из постели. Из-за неловкости момента я бы хотел, чтобы на мне была какая-нибудь пижама или что-то вроде того. А так на мне только трусы из серого трикотажа. И даже никакого намёка на утреннюю эрекцию, и член съёжился, как солдат в окопе перед линией наступления врага.

Я жду, когда же прорвутся настоящие эмоции. Неужели мы вот так молча переживём это утро и то, что она мне только что сказала?

Лёгкий сквозняк играет клочками кошачьей шерсти на полу. Именно кошки вдохновили меня два года назад написать роман. Я использовал их образ, спящих, свернувшихся в самых невообразимых позах, чтобы рассказать о том, что думал на самом деле и никогда никому не говорил вслух.

Наверное, эта искренность и стала тогда залогом успеха моего неровного и нервного текста, состоящего из разрозненных, по сути, историй. И вслед за Интернетом книга появилась в магазинах, а я стал знаменит на какое-то время. До тех пор, пока новые авторы и их откровения не вытеснили мой роман с книжного рынка в небытие бумажной пыли, на вторые эшелоны магазинных полок.

– Он знает? – неожиданно спрашиваю я.

– Что?

– Он знает, что ты беременна?

– Нет.

– А ты ему скажешь?

– Не знаю. Может быть. Не сейчас.

– Я бы сказал.

– Да ты-то тут при чём?

Это правда. Я тут совсем ни при чём. У нас даже секса не было уже два месяца или около того. И, наверное, никогда уже не будет.

Она выходит из спальни, отправляясь в туалет, а я подхожу к освободившемуся подоконнику. Южное лето раскинулось до самого горизонта, на линии которого маячат невысокие горы. Пыльная зелень деревьев шелестит на утреннем ветру. Уже два года я не курю, и запахи вернулись ко мне, как возвращаются жены к мужьям, отказавшимся от вредных привычек.

Я слышу позади какое-то движение и оборачиваюсь. В комнату входит наш сын.

– Пап, – говорит он, – пап, включи мультики!

Я беру его на руки и прижимаю к себе.

– А кушать, а умыться?

– Нет, – он доверчиво гладит меня рукой по голове, – я не хочу, я хочу мультики!

Я вдыхаю его запах, самый приятный для меня запах на Земле. Я бы никогда с ним не расставался. Разве можно его забрать у меня?

– Пошли чистить зубы, – отвечаю я, ставя сына на пол. Ему скоро три года, но ходит он всё равно как-то смешно. Я отправляюсь за ним, бросив ещё один взгляд в окно. Быстро

бегут облака сегодня; каких ещё перемен мне ждать?

Мы добираемся до ванной, не встретившись по пути ни с моей женой, ни с его мамой. Пока он чистит зубы, я просто смотрю на своё отражение в зеркале. Я нравлюсь себе. У меня нет ничего неправильного в лице, и линия роста волос ещё не успела высоко подняться, несмотря на то, что мне уже за тридцать.

Сын не похож на меня. Он не был похож с самого начала, как только родился.

– Смотрите, какой! – сказала мне акушерка, взвешивая кричащего младенца.

– Можно его взять? – спросил я.

– Да. Осторожно. Вот так.

И я стал вторым человеком в его жизни, у которого он оказался на руках. И только потом его положили рядом с матерью, а меня попросили уйти из родильного зала, чтобы я не мешал зашивать ей промежность. Наверное, это как-то повлияло на меня в дальнейшем. Ведь всё происходящее, так или иначе, оставляет след в нашем сердце?

– Хфатит? – спрашивает сын, доставая изо рта зубную щётку?

– Молодец, – хвалю его я.

На жену он похож. Вон, эта манера поджимать одну ногу, стоя возле раковины, глаза голубого цвета и эти длинные, как огурцы, ногти на руках – это всё её.

Она забеременела им через полгода после того, как мы

решили, что нам нужен ребёнок, чтобы наконец сделать наш брак осмысленным и по-настоящему прочным. Мы не задумывались над тем, как и когда это случится, просто перестав предохраняться. А теперь она легко забеременела от другого, несмотря на очевидные меры предосторожности, к которым они наверняка прибегали вдвоём. Я думаю, что жизни не нужно наше разрешение, чтобы начаться. Так же как смерти безразлично наше желание жить. Это просто происходит, как происходит всё остальное.

Жена проскальзывает в ванную, и я сторонюсь, словно мы боимся нечаянно соприкоснуться. Вид у неё деловой, сосредоточенный, она старается держаться, и мне, наверное, следует держать себя в руках.

Я усаживаю сына на кухне, делаю ему яблочное пюре и включаю «Тома и Джерри». Музыка Ференца Листа из серии «Кошачий концерт» наполняет квартиру звуками «Венгерской рапсодии». Сын принимается уплетать пюре, а я хожу по квартире туда-сюда, как человек перед кабинетом врача в ожидании диагноза, от которого зависит если не всё, то многое.

Я снова смотрю в окно: там вдали видны дачи, начинающиеся сразу за городом. Сейчас всё плодоносит, давно созрели вишни, спеют абрикосы и алыча, на очереди персики и крыжовник, позже появятся яблоки, ближе к осени наберёт силу виноград. Всё вокруг словно говорит мне о щедрости южного солнца и плодovitости жирной земли.

У моей жены тоже щедрое и полное тело, широкие бёдра и большая грудь. Её мать постоянно беременела от разных мужчин. И её бабка постоянно беременела от разных мужчин. У бабки пятеро детей. У матери две дочери и сын. Их женский род готов рожать и без конца продолжаться, и вот в её матке снова зародилась и зреет новая жизнь.

– Па-а-ап! – кричит сын. – Иди посмотреть мультики!

– Хорошо! – откликаюсь я и не двигаюсь с места.

Признаться, я был не готов к такому повороту, как сегодня. Да и можно ли хоть к чему-нибудь подготовиться в делах такого рода? Я писатель. Я так проницателен, когда речь идёт о жизни других. Смогу ли я когда-нибудь разобраться в своей собственной?

– Па-а-ап! – снова доносится из кухни.

Я возвращаюсь. Тарелка с яблочным пюре наполовину опорожнена на стол. Сын грызёт своими белыми зубами где-то найденный сухой кусок хлеба. Мышь на экране отсекает коту кусок хвоста здоровенным ножом. Вопль невыносимой боли режет мой слух. Сын громко смеётся, брызгая хлебными крошками.

Жена тоже появляется на кухне. Она уже одета. Подходит к чайнику и пытается налить себе стакан кипячёной воды. Руки её заметно дрожат. Наверное, ей страшно. Мы прожили в браке семь лет, и она ни разу не делала аборт, пока мы были вместе.

Внезапно у неё звонит телефон.

– Мам, кто это? – спрашивает сын, не отрываясь от телевизора.

Она торопливо делает глоток воды и сбрасывает звонок.

– Мам, это твой друг? – настойчиво уточняет сын, словно это ему действительно важно.

Мне становится больно. Пожалуй, я сейчас тоже закричу, будто меня режут или рубят на части.

Она выключает телефон непослушными пальцами, чтобы он, не дай бог, не зазвонил ещё раз. Сосредоточенно допивает воду и замирает в растерянности. Я тоже растерян и жду, что будет дальше. Наверное, тот, другой, ждёт её. Ничего не знает о беременности. О том, что его сперматозоид и её яйцеклетка уже дали начало новой жизни. Просто ждёт и надеется, что она вернётся к нему так же, как двумя неделями раньше вернулась ко мне. Он надеется. Это мне, судя по всему, ждать уже нечего.

– Так что ты решила? – ещё раз на всякий случай спрашиваю я.

– Я же сказала, – говорит она, невольно косясь на нашего сына, – я сделаю аборт.

Кот на экране заливается басовитым смехом, не замечая, что на голове у него вот-вот взорвётся бомба. Кажется, на этот раз ему действительно придётся несладко. Одновременно наша настоящая кошка, оставляющая всюду клочья серой шерсти, влетает на кухню. Она не успевает затормозить и врежется жене в ноги. Та вздрагивает от неожиданности,

и копившийся в ней страх прорывается наружу.

Жена бросается к сыну и, отняв у него хлеб, принимается вытирать ему лицо, вымазанное в яблочном пюре. Он сопротивляется, пытаясь ни на секунду не упустить происходящее в мультфильме.

– Это всё из-за тебя! – вдруг бросает она ему.

– Это всё из-за тебя сейчас, ты понимаешь?! – она почти кричит.

Вряд ли он понимает. Ему ведь даже нет трёх лет. Я и сам мало что понимаю, кроме того, что наш брак точно обречён. И неважно, сделает ли она сегодня аборт или нет.

Сын перестаёт вырываться, и она тоже опустошённо опускает руки, забыв вытереть немного пюре на его маленьком подбородке.

Она целует нашего мальчика в макушку и выходит прочь. Я следую за ней, словно провожая её по старой привычке.

– Можешь помолиться за меня. Чтобы всё прошло хорошо, – неожиданно говорит она на прощанье.

– Это вряд ли, – мотаю я головой.

Она пожимает плечами. Хлопает дверь. Я остаюсь один. С сыном и даже с кошкой, но всё равно – один.

Я ухожу в спальню и опускаюсь на давно остывшую кровать. Странно, но как бы ни было плохо на душе, даже сейчас какая-то часть меня продолжает отстранённо смотреть на происходящее. Та самая часть, что замечает разнообразные детали жизни, дабы потом воплотить их в текст. И я

запоминаю её дрожащие пальцы, держащие стакан, горячий воздух южного утра, вопли кота по телевизору и интонацию жены, с которой она сказала те самые первые слова. Те самые, с которых всё началось. «Я беременна», – вот что она сказала.

Постепенно силы оставляют меня. Я больше не могу держаться. Я чувствую, как слёзы начинают катиться по лицу, и закрываю его ладонями, чтобы не разрыдаться в голос.

Я даже не замечаю, сколько времени сижу, скрючившись и всхлипывая, пока дверь в спальню не открывается.

Сын осторожно просовывает голову и внимательно смотрит на меня.

– Па-а-ап...

Я поднимаю на него глаза, полные слёз.

– Па-а-ап, ты чего здесь сидишь? Пойдём... Пойдём смотреть мультики, – говорит он мне.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БЕСПЛОДИЕ

1

– Значит, вот сюда? – спрашиваю я у медсестры, принимая небольшой прозрачный контейнер с красной завинчивающейся крышкой.

– Да, – говорит она, – имейте в виду, что сперма выходит порциями и состав этих порций неоднороден, поэтому постарайтесь собрать всё.

Я киваю головой, потупив глаза, делая вид, что рассматриваю контейнер.

– Сперма собирается только путём мастурбации, другие способы недопустимы, – продолжает объяснять медсестра.

– Да, – говорю я, – так и сделаю.

– Пять дней воздержания были? – спрашивает она.

Я снова киваю.

– Алкоголь, сигареты, лекарственные препараты, кроме жизненно необходимых?

– Нет, ничего такого.

– Хорошо, можете проходить, дверь запирается изнутри. Когда закончите, отдадите мне контейнер, я буду в соседнем кабинете, – медсестра забирает моё направление на спермо-

грамму и показывает, куда я должен идти.

Стараясь держаться спокойно, я захожу в комнату для мастурбаций и закрываюсь внутри. После душного коридора клиники здесь прохладно. Вопреки моим опасениям, тут не пахнет ничем таким. Окон в помещении нет, и свет приглушен, словно в спальне ребёнка, где всю ночь горит ночник, оберегая от детских кошмаров. Я ставлю контейнер на белый столик явно медицинского назначения и жду, когда мои глаза привыкнут к полумраку.

Комната немного похожа на маленький гостиничный номер экономкласса. У длинной стены стоит прямоугольный диван, обтянутый коричневым дерматином. Рядом кресло в таком же духе. Наверное, кому-то удобнее мастурбировать на диване, а кто-то предпочитает собирать сперму в контейнер сидя.

Ещё здесь есть журнальный столик с пачкой потрёпанных эротических журналов. Они выглядят неважно, и я сразу решаю к ним не прикасаться. Под потолком висит небольшой телевизор. В углу комнаты раковина для мытья рук с пакетом гигиенических салфеток.

Я сажусь на диван, продолжая невольно принюхиваться к атмосфере этого места, но ничего такого не чувствую. По-видимому, здесь хорошая вентиляция. И мой запах тоже быстро выветрится отсюда, как только я уйду.

Снаружи не проникает ни звука, не считая тихого шума работающего кондиционера. Надеюсь, что и за дверью не

слышно, как мужчины эякулируют в пластиковые стаканчики.

Внезапно телевизор включается сам по себе. Остановленный, судя по всему, на середине порнофильм заводится с пол-оборота. «Так вот оно что, – думаю я про себя, – ну, впрочем, как ещё должно быть, если тебе нужно сдать сперму на анализ?».

Я поднимаю голову и внимательно смотрю на экран. Мне показывают групповой секс в его традиционном варианте – женщина и двое мужчин. Поскольку фильм начинается с середины, актёры не тратят моё время на прелюдии. В этой сцене все уже набрали необходимый темп.

Женщина стоит на четвереньках на кушетке цвета слоновой кости. Мужчина побольше энергично совокупляется с ней сзади. Второй, лысый коротышка с коренастым и толстым членом, похожим на перезревший огурец, трахает её в рот.

Когда я был женат первый раз, я часто обращался к порно, чтобы восполнить нехватку секса в нашей жизни. Чаще всего я смотрел его один, иногда с женой. Обычно я выбирал групповой или анальный секс, так что с фильмом в этот раз мне повезло. Может, у меня даже получится кончить в этот стаканчик?

Рассиживаться тут некогда, лучше поторопиться. В коридоре за мной в очереди были ещё двое мужчин. Наверное, они сейчас думают о том, что я тут делаю и долго ли ещё со-

бираюсь торчать, занимая кабинет. Не очень-то приятное дело – сидеть в такой очереди. И с моей стороны будет невежливо заставлять их ждать.

Эти мысли отвлекают, и я снова пытаюсь сосредоточиться на экране. Пожалуй, надо начать мастурбировать. Прямо сейчас. Иначе у меня вообще ничего не получится. Интересно, что когда я делаю это дома, могу кончить за считанные минуты. А тут как в общественном туалете, когда стоишь у писсуара вместе со случайным соседом и изо всех сил пытаешься расслабиться. И хотя ещё пять минут назад ты изнывал от желания облегчиться, теперь никак не можешь опорожнить мочевой пузырь. Во всяком случае, до тех пор, пока чужой человек не уйдёт и не оставит тебя одного.

Общий план на экране сменяется крупным. Я расстёгиваю ширинку, приспускаю штаны и достаю член. Он выглядит смешно по сравнению с тем, что мне показывают. Так странно, ведь я пришёл сюда, чтобы в конечном счёте дать начало новой жизни, а смотрю порнографию, которая, по сути, куда ближе к смерти, чем к любви.

На всякий случай я открываю контейнер, чтобы не мешкать, когда наступит решающий момент. Руки у меня вспотели, и я вытираюсь салфеткой. Появившаяся было эрекция снова исчезла. И кто придумал эту дурацкую процедуру? Неужели нельзя как-то иначе оценить качество моей семенной жидкости? Ведь для того, чтобы исследовать желудок, пациента не заставляют вызывать рвоту?

Я крепко сжимаю пенис и принимаюсь интенсивно мастурбировать, стараясь дополнить фильм своими фантазиями. Теперь актёры-мужчины стоят и держат женщину между собой. Наверное, им непросто так её держать и при этом ещё умудриться попадать куда следует.

Я сажусь поудобнее, откинувшись на спинку неудобного дивана. Интересно, тот, кто сидел тут до меня, смотрел тот же самый фильм? И, видимо, он сдал сперму как раз на том моменте, с которого его начал смотреть я. Может, было бы лучше, если бы фильм начинался с самого начала?

Но наконец появляются предвестники семяизвержения, как первые симптомы укачивания во время поездки на автобусе. Я закрываю глаза, чтобы сосредоточиться на своих ощущениях. Экран всё равно плохо помогает мне. Может быть, он даже мешает, заставляя всё время думать не о том.

Стоны актёров делаются громче. Особенно старается женщина, показывая, какое неслыханное удовольствие она получает от двух партнёров сразу. Я, кстати, ни разу такого не пробовал. Обычно я старался быть верным женщине, которую выбирал, и делить её с кем-то не хотел. С женщинами у меня всегда было серьёзно, вот что я хочу сказать. Презирая женщин, ворует своё собственное счастье. При том, что обид на женщин у мужчин всегда больше, чем наоборот. Может, оттого, что отец был не у всех, а мать – практически у каждого?

– А-а-а-а! А-а-аггrrrxxx! – кричит один из партнёров актрисы. Мои глаза по-прежнему закрыты, но я понимаю, что

в этот момент он кончает. Я оставляю член в правой руке, а левой на ощупь нахожу открытый стаканчик. Мне кажется, он вот-вот понадобится мне. Я только постараюсь ещё немного, совсем чуть-чуть.

– Ах! Ах! Ах! Мммммм! – ритмично наяривает женщина.

Как странно я, наверное, выгляжу сейчас со стороны. В строгих брюках итальянского бренда, в нежно-розовой рубашке отличной выделки, с торчащим членом и пластиковым контейнером для сбора спермы. С закрытыми глазами перед экраном, на котором идёт порнофильм, приближаясь к своему апогею.

– Ммммм! Ммммммм! А-а-а-а-ахх! – кажется, женщина тоже кончает. Во всяком случае, делает вид. Разве они вообще когда-нибудь испытывают оргазм по-настоящему во время таких съёмок?

Я приближаю стаканчик к пенису. Мне приходится открыть глаза. Было бы глупо промазать после стольких стараний. Я чувствую, что семя, пять дней зревшее у меня в мошонке, уже близко. Я делаю последнее усилие и представляю свою жену, подставляющую мне свой пышный зад. И мысленно кончаю ей прямо туда.

Сперма толчками стекает в подставленный контейнер. Все порции до единой. Очень качественная работа. Пусть всё это будет не зря. Мы с женой не обманываем природу в своих желаниях – может, и природа в конце концов сжалится и не обманет нас?

Я закрываю красной крышкой стаканчик, сразу ставший тёплым. Мою руки и тщательно вытираю их салфеткой. На всякий случай нюхаю ладони, но они пахнут только мылом и больше ничем. Ненужный теперь фильм продолжает идти дальше. Мужчина, тот, что с членом потолще, размазывает сперму по губам партнёрши. Тошнота внезапно подступает к моему горлу, и я торопливо заправляю рубашку в штаны.

Перед тем как выйти из комнаты, я достаю смартфон и записываю в раздел «Заметки» несколько слов: «коричневый диван», «порнофильм с закрытыми глазами», «сперма собирается только путём мастурбации». Всё. Кажется, теперь можно идти.

Медсестра сидит за столом практически сразу за дверью. Я немного щурюсь от яркого света, как человек, долго находившийся в настоящем кинозале. Девушка поднимает голову от микроскопа, в который, наверное, рассматривает чьи-то сперматозоиды.

– Давайте, – говорит она, протягивая руку в мою сторону. Я вкладываю в неё тёплый контейнер, и она ставит его в одну из ячеек пластиковой коробки, приклеив ярлык с моей фамилией. Туда же, свернув несколько раз, она вставляет направление от врача.

– Результаты будут известны завтра, – говорит она. – Выдача в регистратуре с двенадцати часов дня, лично в руки, при предъявлении паспорта.

– Хорошо, – говорю я. – До свидания.

– До свидания.

– Спасибо.

Она возвращается к своим делам.

Я мешкаю ещё несколько секунд. Я хочу увидеть, как она нажмёт на кнопку, которой включаются порнофильмы в помещении рядом. Но она ничего такого не делает, а просто смотрит в микроскоп. И я ухожу.

2

– Давай ещё по пиву, – говорю я, – за пять дней даже глотка не сделал в такую жару.

– Давай, – говорит мой издатель, – у тебя выходной?

– У меня отгул, – объясняю я. – Надо было сходить в клинику сегодня. Что-то нет настроения возвращаться на работу.

– Нам ещё два, – поворачивается издатель к официантке, которая проходит мимо. Я на секунду задерживаю на ней внимание: девушка в ситцевых свободных шортах в цветочек, напоминающих мужские трусы старого кроя. Когда-то у меня были такие трусы, и я совершенно не думал о том, как нелепо они выглядят.

Официантка забирает пустые бокалы. Мы с издателем молчим, поглядывая друг на друга. Он мой ровесник, то есть ему тридцать пять. Он женат, но детей у него нет. По правде говоря, даже не могу себе представить его с детьми.

– Было бы неплохо, если бы ты закончил новый роман до

конца декабря, – говорит он. – Тираж был бы готов как раз к весне. Я сейчас работаю с книжной сетью «Буква», но через год наши отношения закончатся. Жаль упускать такую возможность.

– У меня есть одна идея, – улыбаюсь я. Каштан над нашими головами шелестит листвой, временами роняя какой-то мелкий сор на столик. Я методично собираю его пальцами и сбрасываю на пол. Мне всегда удобнее общаться, когда руки чем-то заняты.

– Какая? – он с интересом смотрит на меня.

– Не-не! – я мотаю головой. – Я на этот раз не хочу ничего рассказывать заранее. Я уже на этом обжёгся в прошлый раз, когда выложил в сеть первые главы, а потом не мог себя заставить продолжать писать. Как будто выключилось что-то внутри после первой же похвалы.

– Жаль, – издатель тоже принимается собирать соринки со стола. – Но если тебе так лучше – ничего не говори.

– Идея хорошая, – всё же не могу удержаться я, – должно получиться гораздо интереснее, чем в первый раз. Правда, будет, как бы сказать, трагичнее. Или драматичнее. Кстати, в чём разница?

Нам ставят пиво. Листья снова шумят, и я накрываю бокал ладонью, чтобы сор не падал в напиток. Это всё восточный ветер. Не люблю его. В наших краях он не приносит прохлады, а только иссушает.

– Да это, в общем-то, одно и то же, – говорит издатель,

пробуя пиво, – драма ближе к жизни, трагедия – высокое искусство.

– Высокое искусство мне недоступно, – я делаю вид, что шучу. Мы чокаемся, забыв, впрочем, произнести хоть какой-нибудь маломальский тост.

– Как ты вообще поживаешь? – безо всякого перехода спрашивает он.

Я пожимаю плечами. Что тут сказать? Прошло пять лет, как вышла моя первая книга. Теперь я снова женат. У меня второй брак, и слово «второй» здесь просто означает последовательность, а не качественную характеристику.

– Хорошо. Только что-то быстро устаю в последнее время. Честно говоря, я вообще устал. Мне бы в отпуск. Я бы тогда сразу взялся за свою идею и начал писать.

– Вот что я тебе скажу, – издатель делает большой глоток и некоторое время пытается с ним справиться. – У тебя есть талант, понимаешь? Искра Божья. Бог дал тебе дар, а ты им пренебрегаешь. Более того, ты его растрачиваешь. Ты пишешь что угодно, а мог бы давно зарабатывать литературой.

Я опять пожимаю плечами. Не вижу смысла, казаться лучше, чем я есть. Каждый всё равно разглядит во мне что-то своё.

– Да и мне бы дал возможность заработать, – добавляет он.

– У меня есть рассказы, – говорю я. – Их, в принципе, хватит, чтобы сделать сборник.

– Новые?

– Нет. Ты читал их. Ещё давно.

Издатель морщится, снимает очки и трёт переносицу. Третий час дня. В это время обычно становится жарче всего.

– Да это не то, дружище. То есть они неплохие, но похожи на удалённые главы из первой книжки. Это будет шаг назад, понимаешь? А тебе хорошо бы закрепить успех. Знаешь, что самая важная вещь в творческой карьере – вторая?

– Да?

– Она показывает, был ли первый успех случайным или нет. И если вторая окажется бесплодной в плане идей, сюжета и стиля, третью просто никто не будет читать.

– Я понимаю, – говорю я, чувствуя небольшое раздражение. Действительно, жарко. И пиво кажется не таким уж холодным.

Мы молчим. Наверное, он даёт мне возможность подумать над тем, что сказал. Но никаких особых мыслей по этому поводу не приходит в голову. Вместо этого я просто рассматриваю прохожих. В моде бороды. И бородатая молодёжь на улицах города напоминает преждевременно состарившихся мальчиков из сказки о потерянном времени. Может, я и сам такой же, только без бороды?

Издатель допивает пиво и достаёт сигареты, но осекается, вспоминая, что в кафе курить нельзя. Тогда он просто кладёт пачку на стол и барабанит по ней пальцами. Мне проще в этом смысле. Я ещё несколько лет назад бросил курить. Как

раз во время развода.

– В общем, ты имей в виду, что в этом году у меня пока есть возможность продвинуть новую книгу через хорошую сеть, – наконец говорит он.

Мне хочется достать смартфон и записать кое-что. Ну то есть не кое-что, а эту мысль – про бороды. Наверное, я так и сделаю, дождусь только, когда он уйдёт.

– Мне пора, – говорит издатель, словно догадавшись, о чём я думаю, – я сегодня, знаешь ли, отгул не брал. У меня их вообще не бывает. И так еле концы с концами свожу. Кризис. Жаль, что не жанра, а финансовый.

Он смеётся своей плоской, на мой взгляд, шутке и поднимается из-за стола. Я остаюсь сидеть. В оправдание показываю ему на недопитое пиво.

– Пока, амиго! Давай, пиши. Пиши, пиши, пиши!

– Пока, – говорю я.

Я чуть привстаю, чтобы пожать ему руку, и снова опускаюсь обратно. Мне бы и на самом деле в отпуск. Вот только чем я буду заниматься?

Насчёт того, что у меня есть идея, я соврал. Нет у меня никакой идеи для романа. Кроме одной – снова рассказать о себе. Мне нетрудно рассказывать о себе правду. У нас у всех своя правда. Моя ничуть не более особенная.

– Доброе утро! – отвечаю я.

Я всегда прихожу в правительство без пятнадцати девять. Я вообще стараюсь во всём быть пунктуальным. Режим и порядок – вот что я люблю. Это позволяет мне как-то компенсировать ту неразбериху, что творится в голове.

Сегодня ночью я видел плохой и страшный сон. Я не могу вспомнить точно, что мне снилось, но, кажется, я даже плакал. Интересно, много ли мужчин плачут во сне?

Я думаю об этом тревожном чувстве, которое охватило меня после пробуждения, и неторопливо иду по коридорам, устланным красными ковровыми дорожками. Хорошо бы всё-таки вспомнить, что именно я видел. Мне кажется, это важно.

Несколько лестничных пролётов остаются позади. Я поднимаюсь на пятый этаж. Мой кабинет – сразу налево от главной приёмной. Ещё один полицейский, который всё время находится на посту в этой части здания, здоровается со мной. Я киваю ему головой и захожу к себе.

Мой кабинет практически квадратной формы. Здесь повсюду строгое соответствие геометрии и целесообразности. Если присмотреться, всё вокруг состоит из прямоугольников, кругов и их сочетаний. Так проще и спокойнее. Тем более что я провожу здесь много времени. Не могу даже сказать точно, сколько именно. Оно проходит быстро, когда дни похожи друг на друга.

Я включаю компьютер и несколько минут собираюсь с

мыслями.

– *Уважаемые коллеги, – наконец мысленно говорю я, – дорогие друзья!*

Утреннее южное солнце светит прямо в глаза, и я закрываю жалюзи.

– *Рад вас всех приветствовать! Мы собрались сегодня, чтобы поговорить о самом главном. О детях.*

Ласточки с громкими криками носятся за окном. Чего им неймётся в такую жару, когда суховея выхолостил город?

– *В этом году исполняется ровно четверть века, как был принят основной международный документ о защите прав несовершеннолетних. Конвенция ООН о правах детей, – продолжаю я. – Эта дата – напоминание всем нам об ответственности за благополучие и будущее подрастающего поколения. О том, что каждый ребёнок имеет право на жизнь. Право на то, чтобы быть счастливым и воспитываться в родной семье.*

Я чувствую лёгкий укол совести, когда пишу эти слова. Совсем лёгкий. Я не слишком-то верю в её мучительные угрызения. Мне кажется, себе можно простить, что угодно.

– *Сегодня в нашем регионе защита семьи и детства является одним из ключевых приоритетов для власти и общественных институтов. Пусть в этой работе нам всегда сопутствует успех.*

Успех! Я повторяю это слово с другой интонацией, но оно всё равно не становится от этого лучше. И хуже тоже не ста-

НОВИТСЯ.

– Прошу всех ответственных лиц в правительстве включиться в работу. Все государственные контракты, каждый бюджетный проект должны находиться на вашем личном контроле. В этой работе не может быть равнодушных. Мы все – чьи-то дети и чьи-то родители. Дети – наше богатство и смысл жизни. Ради них мы работаем и живём, строим планы и достигаем поставленных целей. Общество имеет будущее лишь тогда, когда люди вкладывают в своих детей душу и сердце. Пусть так и будет!

Я перевожу дух. В этом месте полагается сделать смысловую паузу. Пусть все приготовятся услышать главное.

– Но какой бы ни была помощь государства, самое важное – любовь, внимание и тепло души – ребёнок получает в семье. Благодарю всех, кто посвятил себя воспитанию детей. Терпения вам и мудрости в этом благородном деле.

Мой голос становится твёрже.

– Даю поручение министрам: здравоохранения, социальной политики, образования. Вашей основной задачей на предстоящие месяцы должно стать...

Я умолкаю. На этом месте текст обрывается. Мне предстоит его закончить сегодня. Это и есть моя работа – я пишу слова, которые потом должен произнести кто-то другой. За долгие годы я написал десятки тысяч слов, под которыми никогда не поставят моё имя. Эти выступления – как дети, оставшиеся в чужой семье после развода.

В окно раздаётся лёгкий стук. Я на секунду отвлекаюсь от своих мыслей. В небольшой просвет жалюзи видно, как крупное насекомое ударяется в стекло и падает на подоконник. Следом в окно врезается ещё одно, но на этот раз оно умудряется чудом уцепиться на гладкой поверхности. Это саранча. Вместе с восточным ветром она каждый год прилетает в наш город. Похоже, сегодня-завтра должно произойти её очередное нашествие.

Саранча продолжает сидеть на стекле, шевеля короткими усиками. Её пёстрое брюшко похоже на вывернутые наизнанку внутренности мужских яичек в кабинете врача-андролога.

Лёгкая дурнота сжимает желудок, и я, не сводя глаз с насекомого, закрываю жалюзи ещё плотнее, чтобы не видеть его отвратительное устройство так близко от себя.

И тут я вспоминаю, что мне сегодня снилось. Мне снился кошмар про нашу дочь.

Вот только дочери у нас нет. И уже три года, как она не может появиться.

4

– Привет, милый, – говорит Люся, встречая меня после работы.

Я целую её. За три года нашего брака мы так и не выработали каких-то особенных слов, чтобы обращаться друг к другу. Даже не знаю, нужны ли вообще такие слова. Мы при-

выкли обходиться без них. Слова, я думаю, вообще не главное.

– Я думала, ты будешь позже, – Люся смотрит на меня исподлобья. Такая у неё привычка. Одна из тех, что со временем перестаёшь замечать.

Я ещё раз целую её. Мне нравятся поцелуи, а она, наоборот, всегда убирает губы. Ещё она не любит делать минет, но это, собственно, тоже не самое главное. Иногда мне кажется, что главного у нас вообще нет.

– Давай ужинать? – у Люси хриплый надломленный голос. В детстве она перенесла операцию на голосовых связках и с тех пор приобрела этот небольшой дефект. Всё, что она говорит, теперь звучит с надрывом, но на самом деле это ничего не значит. Есть такие животные, которые кажутся грустными из-за особенностей морды или глаз. Но их природа лишена эмоций и смысла. И в надтреснутом голосе моей жены тоже звучит она – бесстрастная природа, и больше ничего.

– Да, – говорю я, – сейчас будем.

Привычные действия повторяются каждый вечер. Я снимаю костюм, иду в ванную, одеваюсь в домашнее, обхожу пустые комнаты, следую на кухню. Всё как всегда. За исключением одного. В комнате, где обычно ночует мой сын, бывая в гостях, теперь чего-то не хватает. Я мысленно касаюсь каждой вещи, каждого предмета, и тут понимаю, чего именно больше нет. И кровь приливает к моему лицу от вспыхивающего гнева.

Три года назад, до того, как я женился снова, сын часто бывал у меня. А потом это стало происходить всё реже и реже. Теперь я беру его к нам даже не каждые выходные, и он почти никогда не остаётся ночевать.

Но его вещи по-прежнему хранятся в комнате, когда-то бывшей его детской. Вот шкафчик на стене, к средней дверце которого вместо ручки прикреплён хвост игрушечного енота. Вот небольшой диван у стены, накрытый пледом с гоночными автомобилями. Вот деревянный столик с двумя стульчиками, которые, в общем-то, уже давно ему малы. Настольный хоккей, в который он раньше часто играл со мной. Неровная стопка детских книжек, включая те, что я читал ему перед сном ещё в колыбели. А ещё в дальнем углу стояла одна вещь. И теперь её нет на месте.

– Ты идёшь? – кричит Люся из кухни. Я перевожу дыхание, стараясь успокоиться. Что мне сказать ей теперь по этому поводу? Задать прямой вопрос? Прийти в бешенство? Швырнуть в стену тарелку?

Вот здесь в углу это было ещё утром. Даже светлый круг прямого ворса остался на ковре. Я безотчётно запоминаю этот круг, как приметку повседневности, из которой внезапно изъяли какую-то деталь. Наверное, всё запоминать – это тоже моя природа, бесстрастная ко всему, кроме своих неизвестных целей.

– Да, – снова говорю я, – сейчас.

Я ещё раз окидываю взглядом бывшую детскую, и сердце

сжимается от боли, будто я опять переживаю давнюю потерю.

В темнеющем проёме окна заметно какое-то движение. Наверное, саранча добралась уже и в эту часть города. Что ей нужно в мире стекла, бетона и водоустойчивой штукатурки? Как она умудряется размножаться так быстро, несмотря ни на что?

– Ну, остынет же! – кричит жена.

Она, конечно, заботится обо мне. Её любовь выражается в простых и понятных вещах. И она сама, в сущности, и есть простой и понятный человек. Как и многие женщины, меряет и запоминает свою жизнь от свадьбы до первого жилья, от получения профессиональной квалификации до наследования земельного участка, от самостоятельной поездки на машине до кожаного дивана в гостиной. Может, и её сегодняшней поступок продиктован всего лишь женской сутью? Ведь и кукушка не со зла разрушает чужие птичьи семьи?

Я наконец вхожу в кухню. Моё лицо ничего не выражает. Собственно, я даже не знаю, что оно могло бы сейчас выражать. Ведь вечер такой хороший. Горячий ужин на столе, чистые салфетки, от электрочайника идёт пар. Люся совсем не умеет делать минет, но она хорошая хозяйка. Хотя, если уж говорить правду, не заботы об удобствах не хватает мне, а понимания. Что, если я женился на женщине, не способной разделить мои мечты и чувства?

Мне был тревожный знак, когда она отказалась прочитать

мой первый роман. Давно, ещё до свадьбы. А я не придал тогда этому особого значения, хотя Люся и сказала со злостью, что в книжке описана жизнь, в которой её нет и о которой она не желает знать. Я думал, что это ерунда и всё наладится, забыв о том, что ничто и никогда не налаживается, а есть только распад и охлаждение.

Наверное, так происходит у многих. Обманчивое ощущение счастья впереди только отодвигает будущее всё дальше. И моё теперь, похоже, отодвинуто за самый горизонт.

Да, никогда она не принимала моего творчества и сейчас отказывается его принять. Жена всерьёз считает, что в написанном я просто искажу нашу жизнь. Как в кривом зеркале, делающем уродливым всё, что в нём отражается. Может быть, она права? Неужели мне так никогда и не вырваться из этого постылого заколдованного круга?

Я принимаюсь есть, не обращая внимания, как горячее рагу обжигает язык и нёбо. Мне почему-то хочется сказать что-нибудь смешное. Не для того, чтобы разрядить обстановку, нет. Бывает, что люди шутят с горя или чтобы скрыть смятение. У некоторых это даже входит в привычку.

– Вчера, чтобы сдать сперму, пришлось представлять тебя, – говорю я, – у них там, оказывается, специальное видео, чтобы возбудиться, но в такой обстановке, как в клинике, это не очень помогает. Онанируешь, как робот, и всё.

– Ты уже забрал результат?

– Нет, анализ сложный, нужно два дня, – вру я. Результат

лежит у меня в портфеле, но мне об этом совсем не хочется сейчас говорить.

– Понятно, – говорит Люся, – а я тоже была у врача. Но не у той старушки, сказавшей, будто я никогда не смогу иметь детей. Я к ней больше вообще не пойду. Она меня до слёз довела своей категоричностью. Эта новая – Елена Анатольевна – кандидат медицинских наук. У неё вся стена в кабинете в дипломах и сертификатах. Есть и зарубежные, кстати. Она дважды в год в Германию ездит, представляешь?

– Да, – киваю я с набитым ртом.

– Так вот, она сказала, что поликистоз яичников прекрасно лечится. И вообще во многих случаях это не препятствие к тому, чтобы забеременеть. Главное сейчас – нормализовать месячные, чтобы овуляция происходила регулярно. И в эти дни надо пытаться.

На самом деле мы пытаемся. И в дни овуляции, и в другие дни. Но эти попытки не делают нас счастливее. Природа дала людям инстинкт размножения, а приносит он радость или несчастье – до этого ей нет дела.

Может быть, у нас ничего не получается, потому что мы слишком разные? Потому что мы созданы не друг для друга, а для кого-то ещё? И в мире есть женщины, которые легко от меня забеременеют, и есть мужчины, от которых Люся смогла бы зачать? Но мы уже три года только друг с другом, и ничего хорошего из этого не вышло.

– Она сказала мне поменять гормоны, которые прини-

маю, – продолжает жена, – те были слишком сильные. Их вообще женщинам, у которых скоро климакс, назначают. Ну что за бред, представляешь? А я их пила. Теперь будут новые таблетки. Их не нужно пить, а просто вставлять вагинально перед сном. Так гораздо меньше нагрузка на организм, и лекарство сразу поступает туда, куда нужно. Елена Анатольевна мне всё это объяснила сегодня. Первый вменяемый врач на пути попался наконец.

Я слушаю Люсю, продолжая думать о своём. О том, что, может, и моё творческое бесплодие всего лишь следствие нашей несовместимости? Не жена ли отняла моё вдохновение вместо того, чтобы поощрять меня писать? Для неё жизнь стала практической задачей, для решения которой отсекается всё, что не способствует цели. А цель у нас одна – завести детей. И поскорее, ведь время уходит, а силы и здоровье – вместе с ним.

С другой стороны, могу ли я винить одну только жену в своей писательской несостоятельности? Пусть в моей жизни нет любви, о которой я мечтал, но разве я не должен тогда отдать своё сердце литературе?

А ещё я просто зол на неё сейчас, вот и думаю о нашем браке исключительно в мрачном свете. А она наверняка любит меня, как умеет. И считает, что для наших отношений всё делает правильно. Есть в ней спокойная уверенность, которой мне самому никогда не хватает. С этой уверенностью она кроит нашу общую жизнь и отчасти мою личную по сво-

ему вкусу и своим правилам. Ей даже в голову прийти не может, как я порой несчастлив. Вот и сейчас Люсе невдомёк, что я чувствую.

– Елена Анатольевна рассказала мне один случай. У пары не было детей пять лет. А потом она перестала принимать «Дюфастон» и перешла на «Утрожестан». И забеременела на «Утрожестане», представляешь? Ещё рекомендуют сократить частоту половых актов. Каждый день – это слишком много для качества спермы. Надо гораздо реже.

– Зачем ты выбросила корзину с его игрушками? – перебиваю я.

– Что?

– Зачем ты её выбросила? – я стараюсь говорить жёстко, но голос у меня почему-то дрожит.

– А... – она пожимает плечами, – да они всё равно уже старые, он ими не играет.

– Он ими не играет, потому что ты запрещаешь сюда приходить.

– Что за бред?! Совсем «ку-ку»?

– Никакой не бред, – я чувствую, что моя слабая атака захлёбывается. Чего я, собственно, хочу добиться?

– Ты их выбросила, потому что ты его не любишь, – говорю я тихо, глядя в стол, – у тебя злое сердце, вот что.

Люся поворачивает ко мне своё узкое, как лезвие ножа, лицо. Её глаза вспыхивают тёмным огнём, не предвещающим ничего хорошего.

– Это у тебя злое сердце, – говорит жена, – настолько злое, что ты даже не хочешь сейчас слушать важные вещи.

– Я слушаю тебя. Но зачем было выбрасывать? Теперь на помойке валяется то, чем ребёнок играл практически с рождения.

– А я тебе ещё раз говорю, что он ими больше не играет, и мы хранили дома хлам!

Гнев отпускает меня. Мне становится горько. Мне жаль себя и своей жизни. Разве может теперь что-то измениться к лучшему, если единственный, кто меня жалеет, это я сам? Странные слова: «жалость – плохое чувство». Я думаю, что это, наоборот, очень хорошее чувство. А в ком нет жалости, тот и не человек вовсе.

– Ладно, – я машу рукой, – что тут теперь говорить.

– А ты вообще не хочешь говорить о том, что у нас нет детей. Я одна бьюсь с этой проблемой. Ты даже к врачу пошёл только после долгих уговоров.

– Я делаю всё, что ты просишь.

– Потому что, похоже, это только моя беда, а ты пытаешься сделать вид, будто тебя это не касается.

– Меня касается, – говорю я трудным шёпотом. Понимает ли она меня? Что же такое разделяет нас, мешая дать начало новой жизни?

– Ты думаешь, мне легко всё это даётся?! Бесконечные хождения по врачам, страшные диагнозы, унижительные процедуры, тонны гормонов, которые я принимаю? – голос

жены звучит со скрипучей нотой истерики. Как всегда, впрочем. Особенность голосовых связок. Нелепая случайность. Природа. Судьба.

– Это тебя Бог наказал, – вдруг бросаю я Люсе.

– Что?

– За то, что ты не любишь моего сына. За всё, что ты сделала ему. Бог тебя наказал, понятно? Твоё бесплодие – это твоё наказание. Так тебе и надо, понятно?! – кричу я ей.

Что-то злое и тёмное туманит мне разум. Зачем я так сейчас? Да и справедливо ли всё это на самом деле?

Люся бледнеет, потом на шее и груди у неё проступают красные пятна. Она перестаёт есть и сидит молча минуту или две. Я тоже больше не говорю ни слова. Потом она встаёт и выходит. В ванной щёлкает замок. Слышно, как течёт вода из крана. Я тоже встаю из-за стола, не в силах продолжать есть, и иду в детскую. В бывшую детскую, конечно.

Три года здесь почти ничего не менялось, а теперь – это круглое пятно на полу. Я хожу по комнате взад-вперёд размеренной походкой маньяка. Тихий шорох раздаётся за окном. Наверное, там шелестит крыльями саранча.

Я останавливаюсь в опустевшем углу и, сев на корточки, обвожу пальцем круг, выдавленный в ковре дном корзины. Я думаю о том, как бывает иногда, когда ты знаешь человека годами, а потом он совершает поступок, который открывает его с новой стороны. И вдруг понимаешь, что ты не видел главного.

Наверное, и моя жена сейчас думает так же обо мне.

5

– Подайте ради Христа, – говорит попрошайка у церкви. – Спаси вас Господи!

Я молча прохожу мимо. Они всегда собираются под вечер, выстраиваясь вдоль невысокой ограды. С котомками и истёртыми пакетами бомжи похожи на грязных пассажиров автобуса, которого они никак не могут дождаться. И я шествую мимо всей вереницы, равнодушно глядя то ли прямо перед собой, то ли куда-то на уровень вторых этажей.

– Ангела вам хранителя, – говорит мне женщина без носа, но я отворачиваюсь и молчу.

Я иду дальше, совершенно бесцельно, просто вперёд. Саранча взлетает и скачет из-под ног. Она цепляется к брюкам, прыгает девушкам на голые икры и прямо под юбки. Визг, мельтешение. Босоножки и высокие каблуки хаотично лавируют среди членистоногих.

Я уворачиваюсь и от девушек, и от саранчи. За сутки её ощутимо прибыло на улицах и площадях. Особенно много на тёплых стенах домов с западной стороны. Насекомые сидят, отсвечивая желтоватым хитином на заходящем солнце, как божья кара и предвестник скорого Апокалипсиса. И я иду навстречу закату и прочь от нищих, показывающих мне свои язвы и лохмотья.

Указатель на столбе подсказывает: «АЭРОПОРТ», и я вы-

бираю это направление просто так, чтобы что-то выбрать. Мне нравится слово «аэропорт», оно деликатно напоминает на одиночество, расставание и неизвестность.

Разумеется, в моём хождении нет цели, но есть смысл. Оно помогает собраться с мыслями. Во всяком случае, прежде это срабатывало. Свой первый роман я написал на ходу. Смотрел на лица прохожих, бродил по закоулкам, пробовал на вкус рождающиеся в голове слова. Вот и сейчас город показывает мне свои живые картины, и я плююсь на них, как на голое тело, чтобы наконец ощутить возбуждение и желание.

Повседневность даёт о себе знать разными звуками: электрически гудят троллейбусы, горячий ветер шумит в пыльной листве тополей и акаций, мать кричит девочке, бегущей к пешеходному переходу, в чьём-то кармане безответно звонит телефон, откуда-то доносится собачий лай. Лай собак всегда слышно дальше, чем звуки машин.

Один я молчу. И внутри меня ни звука, ни шёпота.

Я сворачиваю с широких улиц в неровные переулки. Здесь город тише, и шаги мои спокойнее.

«Герой идёт по городу, – думаю я, – он только что убил свою жену. И теперь просто идёт, потому что обрёл долгожданную свободу. Её тело сейчас лежит в ванне с холодной водой, а он пытается разобраться, что ему теперь делать, как уйти от наказания и смыть кровь. Или он отравил её? И она просто лежит на полу кухни с почерневшим от удушья ли-

цом?».

Я пытаюсь придумать детективный сюжет, который бы начинался с этой сцены, но действие не хочет развиваться. Всё, что я могу представить, – это труп. Труп в шортах, которые похожи на ситцевые мужские трусы в крупный цветок.

«Написать историю от лица ребёнка. Простым языком. Он переживает развод родителей. Но он не может быть деятельным участником этой драмы, он её жертва и наблюдатель. А потом мальчик тяжело заболевает, и родители решают сохранить семью ради него. Они переживают сильную душевную трансформацию и даже решают завести ещё одного малыша. Но мы, разумеется, узнаём об этом только по скудным детским описаниям и деталям, которые сам ребёнок интерпретировать не в состоянии, а взрослый читатель видит между строк».

Идея хороша, вот только чуждо мне – писать от лица маленького мальчика. Ничего не выйдет. Я завязну в этом тексте на первой же странице, буду снова и снова переделывать предложения, искать нужные слова, не удовлетворяясь результатом. Я уже пробовал создать что-то в несвойственной мне манере и был разочарован.

Впрочем, есть ли она у меня – собственная манера? Что, если я ошибаюсь относительно своего писательского призвания? Да, существует какая-то сила, заставляющая меня писать. Но сила эта слепа, она толкает в спину, совершенно не заботясь о том, есть ли место для шага вперёд и в состоянии

ли я вообще идти. Это мучение, и только. Может быть, отказаться от творчества вообще? Больше не писать ничего и никогда, уничтожить все черновики и заметки, гнать прочь посещающие идеи. Постепенно все забудут о том, что я когда-то занимался литературой, издатель махнёт на меня рукой, я перестану чувствовать себя обязанным что-то творить. Но не будет ли это предательством по отношению к самому себе? Что, если я на всю жизнь останусь несчастным?

После сильного ветра асфальт усыпан семенами берёз, которым никогда не суждено взойти. Я иду прямо по ним, всё дальше и дальше. Перекрёсток пересекает девушка в чёрном трико на велосипеде. Ещё одна девица размашисто шагает впереди меня, она говорит по громкой связи, держа телефон горизонтально, как бутерброд. Маленькая собачка дрожит на руках толстой тётки. Я люблю женщин, люблю смотреть на них и думать об их поступках, запоминать особенности женских лиц, гладить взглядом округлости женских плеч и бёдер. Я так люблю женщин... Иногда мне кажется, что только в них – спасение моей души. Вот почему я почти всё готов простить жене, смириться с её непониманием, принять как должное пустоту её сердца. Я ведь сам плыл по течению, позволяя ей слишком многое. Что же теперь горько жаловаться, что она отнимает мою творческую силу, как чёрная кошка, похищающая дыхание хозяина во время сна?

Ноги чувствуют усталость. Но я могу ещё долго вот так шагать. Жаль только, ничего не приходит на ум. Ничего не

сочиняется, как было прежде. Неужели всё, что мне осталось, – это смотреть по сторонам? Я и сам не заметил, как настоящая, вдохновлявшая меня жизнь превратилась в сон, из которого ничего нельзя унести с собой.

Вот и ещё один поворот. Жёлтые огни светофора мигают в сумраке. Дома расступаются, открывая дорогу в старую промзону.

Я прохожу ещё метров сто или около того. Дорога продолжается вдоль разрушающегося кирпичного забора. За ним недействующее железнодорожное депо. Раньше здесь начинался долгий путь, а теперь тут просто старые рельсы в густой траве. В заброшенном здании на окне остался сухой цветок. Покинутый, он умер вместе с домом.

– Дар! У меня же есть дар! – говорю себе я, – В чём теперь дело?

Я запрокидываю голову и долго смотрю вверх. Где-то на западе небо мутится далёким дождём. Глухо гремит гром, гроза идёт мимо. И только несколько капель влаги неожиданно падают на моё лицо, будто само небо хочет дать мне какой-то ободряющий знак.

6

Я не могу выговорить это слово. Ни вслух, ни про себя. И как у него получается, у этого розовощёкого молодца с рыжиной в бороде? Он сидит в белом халате напротив нас с Люсей и держит в руках мою спермограмму.

– Олиготератозооспермия, – говорит врач. – К сожалению, результаты пробы у вас не очень хорошие.

– Что это значит? – спрашивает жена?

– Смотрите: концентрация сперматозоидов в семенной жидкости должна быть не менее 15 миллионов на 1 миллилитр. А у вас всего 4 миллиона. Но даже не это самое главное. Из этих 4 миллионов процент жизнеспособных очень низкий – одна десятая часть. В норме их должно быть больше половины. Вы воздерживались от половых контактов перед исследованием?

– Да, – хрипло говорю я, – пять дней. Как мне сказали.

– Хорошо, – врач трёт подбородок с рыжей порослью. – Можно, конечно, сделать спермограмму повторно.

Я представляю себя в этой комнате для мастурбаций с холодным коричневым диваном и качаю головой.

– Результат ведь не будет кардинально иным?

– Скорее всего, нет.

– Значит, от этой спермы нельзя забеременеть? – спрашивает жена?

– С такой низкой концентрацией практически невозможно. Кроме того, учитывая ваши собственные проблемы со здоровьем, – деликатно говорит врач, – шансы ещё ниже.

Люся опускает голову. Красные пятна проступают на шее. Совсем как тогда, когда мы поссорились из-за выброшенных игрушек. Она бросает в мою сторону взгляд, полный горя и злобы. Ещё бы, ведь два дня назад я говорил ей, что это она

бесплодна, что это её наказание и крест. А теперь выходит, что ответственность лежит на нас обоих. И наши болезни складываются, как разрушительные скорости автомобилей в лобовом столкновении.

– Как часто вы занимаетесь сексом? – спрашивает андролог.

– Ну, – я пожимаю плечами, – довольно часто.

– Насколько?

– Каждый день... почти.

– Частоту половых актов надо сократить. Хотя бы до двух-трёх раз в неделю.

– Я ему говорила, – вставляет жена.

– Это поможет немного увеличить концентрацию сперматозоидов, – ласково говорит врач.

Я пожимаю плечами, словно соглашаясь и отрицая одновременно. Наверное, он прав, нам действительно надо пореже трахаться. Может быть, это заодно увеличит мою творческую силу? Воздержание считается полезным для искусства.

– Мне нужно вас осмотреть, – андролог кивает в угол кабинета, закрытый белой ширмой, – проходите туда.

Я поднимаюсь и послушно иду к загородке. Жена тоже было делает попытку встать, но врач останавливает её. Он надевает голубую латексную перчатку на правую руку. Пока мы сидели напротив друг друга, я успел заметить, что и глаза у него тоже голубого цвета. Рыжее и голубое. Пожалуй, надо запомнить это сочетание.

– Встаньте у кушетки, спустите штаны до колен, – говорит врач.

Я подчиняюсь и снимаю штаны, стараясь не смотреть вниз. Я и так чувствую, как съёжился член, как сжались в тесном кожаном мешочке мои яички.

Прохладный латекс прикасается к гениталиям. Тонкие пальцы ощупывают мошонку. Потом слегка сжимают её.

– Не больно здесь?

– Нет... ничего такого.

– Хорошо, одевайтесь.

Звонко щёлкает перчатка. Андролог уходит мыть руки. Я смотрю на свои жалкие органы. Трогаю мошонку в том месте, где её касался врач. Нет. Не больно.

Я снова сажусь за стол. Медсестра пишет в новой карточке историю моей болезни. Лёгкий сквозняк раскачивает белые занавески на окне. Андролог сидит к нему спиной и опять трёт подбородок. Это навязчивое движение у него такое?

– Всё понятно, – говорит он, – у вас махровое варикоцеле.

– Что? – переспрашиваю я, мельком взглянув на жену. Она кусает губы. Красные пятна на шее стали белыми.

– Заболевание сосудов мошонки, – поясняет андролог, – скорее всего, врождённое. Вам никто не говорил об этом раньше?

– Н-нет.

– Это лечится? – спрашивает жена?

– Да.

– Как?

– Хирургическим путём, к сожалению.

Андролог берет пустой рецептурный бланк и начинает рисовать. Сложная сеть кровеносных сосудов возникает прямо на глазах. Я смотрю, как движутся его ловкие пальцы, и чувствую, что обязательно должен задать один вопрос.

– Вот, смотрите, – говорит врач, – здесь проходит вена. Рядом ещё один сосуд. Мы делаем проколы в брюшной полости: здесь, здесь и ещё один в районе пупка. С помощью манипуляторов вводим титановую клипсу и ставим её вот сюда. Давление крови сразу снизится, и постепенно её застой исчезнет. Дальше кровеносная система должна сама прийти в норму. Это распространённая, часто выполняемая операция. В семидесяти процентах случаев она даёт положительный результат.

– А в тридцати процентах? – спрашивает Люся.

– Есть вероятность – она не такая большая, – что кровь всё равно будет застаиваться. Но в любом случае состояние вен должно улучшиться.

– Это поможет от бесплодия?

– Это необходимое условие для его лечения, – уклончиво говорит андролог.

– Хорошо, – я вздыхаю, – если это нужно. Пусть будет операция.

– Операция лапароскопическая, – уточняет врач, – минимум травмирующих манипуляций, быстрая реабилитация,

высокие шансы на успех. Делается под общим наркозом. Общее время, которое вы проведёте в стационаре, – двое-трое суток.

– Да, хорошо, – ещё раз говорю я. Вопрос вертится у меня на языке. Я облизываю губы. Медсестра, слушавшая наш разговор, снова принимается писать.

– Вы говорите, это врождённое? – наконец, спрашиваю я.

– Да?

– Но... у меня же есть сын. Ему почти шесть лет. Значит, даже в моём случае это может случиться? То есть, получается, я могу иметь детей?

– За шесть лет многое могло измениться, – андролог упирает в меня свой васильковый взгляд. – Заболевание прогрессирует. И потом, у вас уже возраст.

Вот как! У меня, оказывается, возраст. А ведь я привык считать себя молодым. Я даже рубашки покупаю с зауженной талией. И живот почти не заметен.

– После тридцати пяти в организме мужчины начинаются определённые изменения. С этого момента мы уже не рассматриваем людей как потенциальных молодых родителей. И, к сожалению, вас это тоже касается.

Да, действительно, мне уже тридцать пять. Как всё изменилось за последние годы. Детская в квартире давно перестала быть детской. Мою первую книгу почти забыли. А я, похоже, стал забывать, как они пишутся. Теперь у меня второй брак, а второго дыхания как не было, так и не нет.

– Поэтому я бы не советовал тянуть вам. Есть такая вещь, как старение семейной пары.

Я киваю головой и опускаю глаза. Медсестра заканчивает писать и, закрыв историю болезни, отдаёт её врачу. Он подклеивает к ней несколько бумаг.

– Вам нужно будет пройти обследование. Сделать УЗИ, сдать анализы. Если уложитесь в месяц, до конца лета сможем вас прооперировать.

Я думаю, что уложусь в месяц. Раз уж предстоит операция, пусть это произойдёт побыстрее, и всё останется в прошлом. Если у нас будут дети, мы станем счастливее. И она, и я. И с моим первым семейным опытом Люся примирится куда быстрее. И мой сын сможет у нас бывать, как раньше.

– Спасибо, – говорю я, вставая.

– Спасибо, – говорит жена.

На стене в кабинете висит зеркало в багетной раме. Я смотрю на себя. Немолодое, но и не старое ещё лицо. Наверное, когда-нибудь и его покроют морщинами годы, жертвенность и самоотречение. Но пока разве что усталость видна под глазами. Да кожа выглядит не такой упругой, как в юности. Но в целом я доволен своим отражением. И почему мне говорят о возрасте? Разве я уже прошёл какую-то точку невозврата?

Впрочем, если уж начистоту, ещё больше я нравлюсь себе на фотографиях двух- или трёхлетней давности. Даже больше, чем на старых снимках студенческих времён. Ведь на тех

старых фотографиях – уже и не я, а юноша, ставший с годами мной. Тогда как на фото, которому всего два года, – явно я. Только какой-то более свежий. Словно лучше спал тогда и меньше изводил себя сомнениями.

Легко поддаться этой иллюзии. Смотришь на себя в зеркало, смотришь на снимок, сделанный пару лет назад, и думаешь, что ты просто мало отдыхаешь, возможно, плохо питаешься, много работаешь. Но нет, это не дурная ночь отложила свой отпечаток на лице. Это просто старость отгрызла от тебя ещё немного за пару лет, а ты и не заметил.

– До свидания, – говорю я.

– Всего хорошего, – улыбается Сергей Иванович.

Чего уж тут хорошего?

Мы идём по коридору. Люся не даёт мне руки. Пятна на её щеке совсем прошли. Наверное, уже успокоилась, взяла себя в руки.

Горячий южный день ждёт нас снаружи. Такой горячий, как будто там пожар: откроешь дверь – и огонь за порогом. И мы выходим на улицу, обретая короткие полуденные тени.

Капли пота выступают на лбу. Жена смотрит на меня грустно. Злобы больше нет в её глазах. Мне хочется обнять её, но что это исправит?

Я открываю рот, чтобы что-нибудь сказать.

И не говорю ничего.

В кабинете тихо гудит кондиционер. Я поставил минимальную температуру, чтобы поверхность стола сделалась прохладной.

Я серьёзен и сосредоточен. Нужные слова легко слетают с кончиков пальцев. Важные мысли сами складываются в текст.

– Уважаемые коллеги, добрый день! – начинаю я.

Ничто не мешает мне. Галстук ослаблен, синий пиджак повешен на спинку стула. В кабинете становится всё холоднее. Вот-вот изо рта пойдёт пар, как в комнате «Экзорциста», где корчилась девочка, одержимая бесом.

– Я рад всех приветствовать в этом зале. Очень хорошо, что мы сегодня собрались здесь. Значит, мы можем чувствовать чужую боль, слышим друг друга, готовы помогать людям. Тот человек, который способен делать добро, – это сильный и самодостаточный человек. На таких людях всегда держится мир. И мы должны понимать, как много от нас зависит.

Спасибо всем, кто принял участие в этой акции. Спасибо всем, кто на неё откликнулся. Вы – те люди, у кого доброе сердце, широкая душа и безграничное сострадание ко всем, кто в этом нуждается. И когда мы вместе, наши силы не складываются, а умножаются. Потому что милосердие и благотворительность – объединяют...

...Я делаю глубокий вдох и медленно выпускаю воздух через ноздри. Здесь – пауза. Аудитория в зале внимательно

слушает.

– Сегодня я хочу обратиться в первую очередь к жёнищинам. Поблагодарить вас за доброту и заботу, за мудрость и терпение. Именно для вас мы – мужчины – трудимся и преодолеваем все преграды. Вы – самое ценное, что у нас есть, и ради вас мы совершаем все свои лучшие поступки.

Добрými улыбками вы делаете ещё прекраснее нашу родную землю. Добавляете мужчинам уверенности в своих силах. Именно в вас мы находим понимание и поддержку, и любые задачи становятся выполнимы.

Талантливые, деятельные, трудолюбивые жёнищины – истинное богатство региона, его гордость, радость и надежда. Без вас сегодня невозможно представить образование и здравоохранение, культуру и социальную защиту, сельское хозяйство, работу множества предприятий и организаций во всех отраслях экономики.

Во многом благодаря вашему самоотверженному труду достигнут стабильный рост в производстве и в социальной сфере. Теперь наша задача – закрепить позитивные тенденции, сделать их ощутимыми на уровне каждой семьи, каждого жителя.

Конечно, за последние десятилетия мир стал другим. Да и мы с вами живём уже в иной стране. Но главное – не изменилось. От человека, принимающего решения, по-прежнему требуются ответственность и честность.

Служить людям – вот наша главная обязанность. У

каждого – на своём посту.

Пусть время милосердия никогда не проходит!

Пусть на лицах детей всегда сияют улыбки и звучат их весёлые голоса!..

...Я умолкаю. Красная капля внезапно падает на стол. Ещё одна – на клавиатуру. Точно кетчуп вытекает из переполненной шаурмы. Но это никакой не кетчуп, конечно. Это моя кровь.

Я запрокидываю голову. Носовые кровотечения порой осложняют мне жизнь и пачкают рубашки. Сам не пойму, отчего это. Просто в некоторые моменты из носа начинает течь дурацкая жидкость.

Теперь придётся сидеть минут пять, а то и десять, упёршись взглядом в потолок. Словно организм, пустив струйку крови, решил устроить себе перерыв. И я сижу, задрав повыше нос и раскинув руки.

Мыслями я возвращаюсь к выступлению и ненадолго забываю о своей жизни. Потому что мир политики – вымышленный мир. Так же, как и мир искусства.

8

Мы занимаемся сексом после трёх дней воздержания. Всё, как сказал врач. Теперь я коплю сперматозоиды в надежде, что это поможет.

Считается, что коленно-локтевая поза лучше всего подходит для зачатия. Но она и так нам нравится. Чаще всего

мы совокупаемся именно таким образом. Она встаёт передо мной, высоко задирая задницу и низко опустив голову, а я становлюсь позади на колени и держу её за бёдра.

Впрочем, на самом деле эта позиция нравится моей жене, а я привык делать, как ей удобнее. Мне вообще не по душе причинять кому-либо неудобство. Говорит ли это о том, что я добрый человек? Или это всего лишь пренебрежение собственными принципами и желаниями?

В спальне играет Лана Дель Рей. Тот самый альбом с пальмами на обложке. Даже не знаю, зачем мы его включили. Заниматься сексом под музыку, на мой взгляд, не очень удобно. Чужой ритм только мешает. Ты просто подчиняешься музыкальному такту и уже будто не свободен в своих движениях. Жизнь всё время нам что-то навязывает, не так ли? И вся эта музыка, к месту и не к месту, просто превращает происходящее в глупый видеоклип. Не добавляя ему ни смысла, ни чувств.

– Сильнее, – говорит жена, – сильнее!

Я послушно стараюсь двигать тазом и бёдрами. Резче и стремительнее. По правде говоря, я уже немного устал, и болят колени. Может, если бы не этот навязанный музыкой ритм, я бы уже давно кончил, и дело было бы сделано. Всего-то нужно вытолкнуть сперматозоиды в её влагалище, а дальше они сами найдут дорогу. Или не найдут. Как раньше. Как уже много раз до.

Песня заканчивается, и начинается следующая. Нам бы

тоже поменять позу. Тогда мне было бы удобнее, и всё закончилось бы побыстрее. А сейчас я думаю не о наших движениях, а о своих коленях, которым пора дать отдохнуть.

– Сильнее! – снова говорит она, – Давай! Ну, давай же!

Куда ещё сильнее. Да и какой в этом прок? Разве мы занимаемся этим для удовольствия? Разве мы не стремимся просто исполнить предназначенное природой?

Я хочу кончить, правда. Но от этих сильных толчков приглушается острота ощущений. Я бы компенсировал это фантазиями, но дурацкая песня их только ограничивает. И даже открывающееся мне зрелище круглого женского зада и белеющей узкой спины почти не стимулирует мои эротические центры.

К тому же я столько раз всё это уже видел. У моей жены широкая задница и узкие бёдра. Малые половые губы сильно торчат из-под больших, и возбуждение только усиливает этот контраст. Тёмная ямка ануса очень аккуратная, чуть приоткрытая в такой позе. Я без конца пробегаю взглядом по всем приметам её пола. Но прелесть новизны рано или поздно спадает, как платье. А под ним – вечное однообразие страсти, у которой всегда одни и те же формы.

Снова меняется песня. На этот раз она очень медленная. Так проще: нет необходимости гнаться за бас-барабаном и ритм-секцией. И я воодушевлюсь, выбирая темп себе по душе.

– Да-а-ай, – стонет жена, – дай мне!

Я дышу громко и часто. Но это не страсть, а усталость. Вот-вот на её белую кожу закапает мой горячий пот.

Я облизываю большой палец и вставляю его в приоткрытый анус. Сразу становится теснее. И пальцу почти горячо. Член делается твёрже, будто оргазм уже близко.

Пусть всё будет в такой позе, как ей нравится. Но должен же я хоть что-то сделать и для себя?

– Больно, – говорит она.

Но я ещё глубже проталкиваю палец и стараюсь двигаться резко и сильно. Так, как она меня просит. Второй рукой я крепко держу её за правую ягодицу. Даже кожа побелела под моим пожатием.

– Да больно же!

Я наяриваю, как одержимый. Раз-раз-раз! Ни дать ни взять – порноактёр. Я вот-вот кончу, если она сейчас не помешает мне. Но только не это, нет! Какой вообще смысл во всём, если ты не можешь кончать так, как тебе нравится?

Жена чуть подаётся вперёд, пытаясь избежать моих толчков, и я теряю равновесие. Просто плюхаюсь на её мягкий зад. Вместе мы валимся на постель, и я внезапно эякулирую в её разогретое нутро. Сердце колотится, словно от быстрого бега. Уставшие ноги гудят, точно я поднялся на шестнадцатый этаж по лестнице.

– Блин, я почти кончила, – говорит она, – зачем ты полез туда со своим пальцем!

– Мне нравится так, – объясняю я, пытаюсь унять одышку.

Я чувствую, что весь взмок. Жена недовольно дёргает задницей, чтобы я слез, и я сваливаюсь с неё на измятую простынь. Музыка кончилась. В комнате тихо. Только слышно, как я дышу.

Она встаёт и, не говоря ни слова, шлёпает босыми ногами прочь из спальни. Через минуту издалека доносится её голос. Будто она говорит с кем-то по телефону. Ни слова не могу разобрать.

Наверное, ей совсем не понравился наш секс. И для дела, похоже, мало проку. Вся сперма вытекла, раз она вскочила сразу, как всё прекратилось. Грустно как-то.

Я прислушиваюсь. Разговора по телефону больше не слышно. Шумит вода в ванной. Торшер светит зловещим багровым светом, как будущие муки в аду.

Что такое жизнь? Что такое человеческое тело? Откуда эти желания и похоть? Мы томимся влечением к другому полу, а потом сгораем, и жизнь кончена.

Разные мысли крутятся у меня в голове. Кажется, я начинаю дремать. И тут жена появляется в спальне. Одетая. И волосы красиво уложены. Стёкла очков блестят холодно и равнодушно.

– Я поеду, покатаюсь, – говорит она. – Может, к Маше заеду на кофе. Ты не жди. Спи, если хочешь.

Хлопает входная дверь. Я остаюсь один. Ни звука ниоткуда.

– Ну и ладно, – говорю я сам себе. – Ну и ладно.

Суббота. Вечер. Я иду в центр города. Туда, где всегда много молодёжи в это время.

Справа и слева остаются вросшие в землю домики старых кварталов. На фасадах темнеют деревянные двери. Они никуда не ведут, за ними стены из жёлтого ракушечника. Но дороги жизни, в сущности, тоже никуда не ведут, а идти по ним всё равно надо.

Мало-помалу улицы становятся шире, и людей вокруг больше. У перекрёстка долго не решается перейти дорогу молодой инвалид со скрюченной у груди рукой.

– Зелёный! – говорю я ему, – можно! А он всё равно стоит и озирается по сторонам. И рука у груди – сухая, слабая, беспомощная. Что с ним станется через пару лет? Будут ли у него когда-нибудь дети?

На углу улицы девушка играет на скрипке. Я останавливаюсь и кладу деньги в открытый футляр. Такая стройная, музыкант. Вряд ли она собирает на пиво. Я даже слушаю пару минут её музыку. Лица девушки почти не видно, склонилась над инструментом, и чёрные волосы упали вперёд. Тонкие руки быстро движутся, запястья словно вот-вот сломаются, хочется пожалеть её и забрать с собой. Куда – я и сам не знаю...

Я отворачиваюсь от девушки и иду прочь. «Времена года» Вивальди несутся мне в спину. По коже пробегают мураш-

ки от этих звуков. Слишком уж я сентиментальный человек. И натура у меня не столько художественная, сколько сентиментальная. Может, оттого и не пишется мне? Не разгадал себя сразу, и вот мучаюсь теперь самообманом?

Впрочем, надо гнать эти мысли. Сомнения – самораскрывающийся механизм. Для них не нужно никаких усилий. Усилия нужны, чтобы взять себя в руки, заставить работать, написать хотя бы план будущего романа.

Книга никогда не создаётся в той последовательности, в которой мы её читаем. Вначале в тишине, как звёзды в вечернем небе, появляются отдельные слова. Со временем их всё больше, и вот уже ткань текста начинается натягиваться на отдельные образы, имена и события. Чем больше звёзд, тем ярче созвездия. Чем больше нужных слов, тем крепче повествование. А в моём романе пока что темно. Я не вижу ни его начала, ни окончания. Оттого, что нет слов, на которые я мог бы опереться. Зыбко всё.

«Скрипка», – записываю я в свои заметки. «Сухая рука», «заколоченные двери на фасадах домов». Вот и всё, пожалуй.

Яркие огни вечернего бульвара заставляют меня идти к ним. Вместе с юношами и девушками в шортах и кедах, с рюкзаками и лонгбордами я выхожу на жёлтый свет натриевых ламп. Здесь всюду продают кофе, и многие гуляют со стаканчиками в руках. Из кофеен и булочных пахнет корицей и карамелью. Столики выставлены прямо на тротуар. Тут

и там едят штрудели и чизкейки. Мне бы тоже понравилось скоротать здесь вечер.

Я сбавляю шаг, присматриваясь к посетителям кофеен. Честно говоря, мне так одиноко сегодня. В юности мне казалось, что одиночество – тайный двигатель творчества, а теперь, похоже, и в этом источнике я всё исчерпал до дна. Моё одиночество больше ничему не учит, вот в чём дело. Я просто хочу женского общества и трахаться. И ещё молчать, не говоря ни пустого, ни важного.

Вот этот столик у стены старого особняка, кстати, мне подойдёт. Уютный свет, маленькие окна с голубыми занавесками. Сочетание бирюзового и фисташкового на салфетках. Девушка в белом платье пьёт какао из высокой кружки. Почему-то она кажется мне особенной. Словно не просто так она здесь сидит.

Я останавливаюсь и замираю, глядя на её гладкие чёрные волосы. Вот она задумывается о чём-то. Чистая кожа, тёмные глаза, острые скулы, мягкий подбородок. Совсем юная. Не то что я, вступивший в пору возрастных изменений. Надо заговорить с ней. Прямо сейчас. Всё равно о чём.

Я делаю шаг в её сторону, и она поднимает на меня взгляд. Наверное, надо что-то сказать: глупо будет, если я продолжу молча на неё пялиться.

– Хотите, я узнаю, о чём вы думаете? – улыбаюсь я. – Я не шучу. Я правда могу это сделать.

– О чём я думаю?

– Да! – я подхожу совсем близко, и её совсем не пугает моё неожиданное внимание. – Вот задумайте какое-нибудь число. От одного до десяти.

– Число? – она смотрит снизу вверх, и я решаюсь присесть на соседний стул из ротанга.

– Любое, какое хотите, – говорю я. – А потом «напишите» его пальцем на салфетке и салфетку скомкайте. Я не буду смотреть, я отвернусь.

– Хорошо, – она улыбается. Из-за какао её зубы не такие уж и белые, но какое это имеет значение для меня, тридцатипятилетнего человека?

– Готовы? Начинаем! – весело говорю я и отворачиваюсь. Люди – мужчины и женщины – идут мимо, ничего не зная ни обо мне, ни о её мыслях. Тёплый ветер катит по тротуару пустой картонный стаканчик. Саранчи всё меньше и меньше. То ли ей нечего есть в городе, то ли её склевали птицы. Да и важно ли это знать, почему она исчезает? Иногда мне кажется, что у природы нет других загадок, кроме тех, что мы ищем.

– Всё? – я поворачиваюсь к девушке. Она сидит с непроницаемым серьёзным лицом. Смятая салфетка лежит рядом.

– Вы правша или левша?

– Правша, – говорит она.

– Тогда возьмите салфетку в левую руку, а правой – сожмите моё запястье. Вот так, крепче.

Она сжимает моё запястье тонкими пальцами с разно-

цветными ногтями. У неё такие нежные на вид руки, словно детские, и вся она как доверчивый ребёнок.

– Ещё крепче, – говорю я, и её пальчики белеют от напряжения.

– Отлично! Теперь представьте себе число, которое первым пришло вам на ум, когда я попросил задумать. Представили? Прокручивайте его в памяти снова и снова. Постарайтесь вообразить эту цифру в виде чего-то реального. Словно она сейчас висит в воздухе прямо здесь, между нами.

Мы смотрим друг на друга, и девушка улыбается. Она предчувствует: что-то должно случиться, но, как и все, в глубине души не верит в чудо. Её пальцы по-прежнему крепко держат моё запястье.

– Достаточно, – тихо говорю я, – отпускайте.

И она освобождает мою руку. Я встряхиваю ладонь, делая вид, что она затекла от сильного пожатия, и принимаюсь тереть покрасневшую кожу. Девушка пристально смотрит за моими действиями. Наверное, ждёт подвоха. А его нет.

– Смотрите, – ещё тише говорю я, – смотрите внимательно. Что вы видите?

Красные пятна, оставленные её пальцами на запястье, начинают бледнеть. Какие-то контуры проступают на коже. Я снова тру её, и линии становятся чётче.

– Ну?.. – почти шепотом спрашиваю я.

Девушка вскрикивает. Её глаза округляются. Она поднимает на меня взгляд, полный удивления.

– Не может быть!

– Может.

– Но... как?

– Вы это задумывали, да?

– Да, – растерянно соглашается она.

На моём запястье отчётливо проступает красная цифра 7.

– Можете потрогать, она настоящая, – я пожимаю плечами, – это не краска или что-то вроде того.

Она трогает. И наконец верит.

– Я такого никогда раньше не видела! – выпаливает она.

– Просто мы раньше с вами не встречались, – говорю я.

– Я Лиза! – говорит она и подаёт мне руку.

– Евгений, – представляюсь я, и моё собственное имя внезапно кажется мне таким незначительным.

– Со мной можно на «ты».

– Со мной тоже, – я усмехаюсь. До меня только сейчас доходит, что я намного её старше.

– Это фокус? – спрашивает Лиза.

– Можно и так сказать. Но я вас не обманул, правда. То есть... тебя. Я же отгадал мысли?

Она восхищённо кивает. Я сажусь удобнее, теперь чувствую себя увереннее и проще. Что я собираюсь делать? Неужели в самом деле жду от этого знакомства какого-то продолжения? Не буду же я и правда соблазнять эту девочку, искать её расположения, внимания и ласки?

– Ты без компании? – спрашиваю на всякий случай.

– Да, – Лиза показывает какую-то книжку. Не мою, конечно. – Я тут читаю иногда. А ты любишь читать?

– Люблю... Да, очень люблю.

Я трогаю себя за мочку правого уха, точно пытаюсь соврать.

– Вообще-то я не фокусник. Я писатель.

– Правда? Писатель?

– Ага. У меня выходил роман. Несколько лет назад. «Энциклопедия поз кошачьего сна». Не читала такой?

– Не, – она делает глоток какао. Наверняка оно уже совсем остыло. – Несколько лет назад я ещё маленькая была.

Она так хорошо улыбается. В её сердце не больше печали, чем морщин на лице. Это я разучился улыбаться людям, всё больше напускаю на себя серьёзный или грустный вид.

– А ты женатый? – вдруг спрашивает Лиза.

Я мешкаю с ответом и решаю соврать. Вот только зачем, спрашивается? Я никогда не изменял Люсе. Разве это вообще может случиться?

– Нет. Я не женат, – говорю я небрежно. Но догадаться, когда я вру, может и ребёнок. Отчасти поэтому я только пишу выступления политикам, но не произношу их сам.

– Я... был женат, – поправляюсь я, чувствуя недоверие. – Развёлся несколько лет назад. Жена ушла. Полюбила другого. Забрала ребёнка и ушла. Теперь я один.

Лиза смотрит на меня с интересом. Я понимаю, что сейчас очень несправедлив к Люсе. Но ведь она ничего не узнает об

этом? Ей не будет больно?

– Пошли погуляем? – смело предлагает Лиза. – Я уже устала тут сидеть. И книжка так себе. Раз ты писатель, лучше я с *тобой* поговорю о чём-нибудь.

– Пошли, – говорю я. – Я больше всего на свете люблю ходить по городу.

Это правда. Её говорить приятно и легко. Вот только не всегда получается. Может, искренность – не постоянное свойство натуры, а вроде озарения, которое может посетить, а может и нет?

Лиза поднимается. Оказывается, она высокая. Мне всегда нравились рослые девушки. Сильные, крепкие, за которыми не нужно нести сумку или приноравливаться к их черепашьему шагу на неудобной обуви. И сейчас нравятся. И Лиза... Лиза мне тоже очень, очень нравится.

Я решаю, что неудобно сразу же подавать ей руку, но она сама берёт меня под локоть. И мы идём вниз по тротуару, туда, где нижняя часть города утопает в акации и каштанах.

– Чёрт, – говорит она с интонацией подростка, – шнурок на кроссовке развязался! Ненавижу их! Матушка купила.

Она запросто наклоняется прямо передо мной и орудует со шнурком. Под белым платьем проступают аккуратные трусы. Не дурацкие стринги, нет, а нормальные девичьи трусики, которые носят исключительно порядочные девушки.

Половое чувство кружит мне голову. Я представляю её голой, лежащей на спине с сильно разведёнными ногами, пред-

ставляю её стоящей на коленях, глубоко наклонившейся вперёд, представляю, как она лежит на животе, и, заведя руки назад, раздвигает белые ягодицы.

Когда она выпрямляется, её лицо краснеет. Я некстати думаю о пятнах, которые вступают у моей жены на шею в минуты страха или гнева. Она и не догадывается, что я сейчас делаю, о чём думаю в это мгновение. Я совсем не желаю Люсе зла. Но мне так одиноко сегодня.

– Давай не пойдём туда, где безлюдно, – тихо произносит Лиза, – я больше люблю гулять среди людей.

– Давай, – отвечаю я хрипло. – Мне на самом деле неважно. Я – как ты. Как тебе нравится.

– Ты такой покладистый? – неловко кокетничает она.

– М-м, – отвечаю я неопределённо.

Она смотрит мне в глаза. Её лицо почти на одном уровне с моим. Губы тёмные, полные, без помады или блеска. Я неуклюже наклоняюсь к ней, но она отшатывается назад. Тогда я беру её за руку. Тёплую и сухую. Молодая здоровая кровь течёт в её сильном теле. Наверное, она плодовита, как сытая кошка весной.

Лиза не убирает руку. И тогда я целую её в губы. Она не сразу отвечает на мой поцелуй, но постепенно сдаётся, оставляя у меня во рту вкус своей молодости.

Таких, как она, я ещё не встречал. Или встречал очень, очень давно.

– Какой ты быстрый, однако, – говорит Лиза, застесняв-

шись, когда я отпускаю её.

– Нет, – говорю я, – я совсем не такой.

И мы просто идём дальше. Город обтекает нас, как река гладкие камни. Во всём вокруг чувствуется неудержимый порыв, людские надежды, людские желания. Яркие вывески светят красным, синим и оранжевым. Хочется заблудиться на этих улицах, чтобы всю ночь гулять с ней одной.

– Как ты это сделал? – неожиданно нарушает молчание Лиза.

– Что именно?

– Семёрка на руке, как она появилась?

– Это тайна, – говорю я, – когда-нибудь я тебе расскажу.

Лиза послушно кивает. На её белом платье дрожат разноцветные лучи. Я решаю, что пересплю с ней. Пусть это произойдёт само собой, да, но пусть это обязательно случится.

10

Сегодня у меня родительский день. Я воскресный папа. Не то чтобы мне нравилось применять к себе такое словосочетание, но против правды не попрёшь. Я вижу сына только на выходных. Это приносит какое-то облегчение, но не даёт уверенности, что с ним и с его жизнью когда-нибудь всё будет в порядке. Теперь такой уверенности никогда не будет. Уж не знаю, как он сам разберётся со всем этим, став взрослым.

Мы идём по магазинам, а потом в парк. Обычная для нас

программа, когда стоит хорошая погода и не нужно прятаться от дождя в кафе или в кинотеатре. Сегодня погода хорошая. Как, впрочем, и вчера. Как и весь месяц этого дурацкого лета, когда я узнал новое для себя слово «олиготерато-зооспермия».

В магазине игрушек мир детских радостей состоит из «городов» и «улиц». Есть «город» девочек, есть «город» мальчиков. Девушки в синей униформе охраняют границу между ними, выставив ряды тележек для покупок. От этой центральной линии перпендикулярами уходят «улицы» кукол, конструкторов, радиоуправляемых машин и развивающих наборов для творчества от 0 до 7 лет. Мы с сыном сворачиваем туда, где красуются масштабные модели автомобилей.

– Па-а-ап, а почему «Феррари» всегда красная? – спрашивает Глеб.

– Считается, что так красиво.

– Потому что она спортивная, да?

– Да, – соглашаюсь я, – так она заметнее. Её лучше видно во время гонок. Купим «Феррари»?

– «Феррари», – отзывается сын. – Я сейчас посмотрю, какие ещё есть.

Есть всякие. Лучше всего – металлические, в масштабе 1:24. Почти как настоящие, с поворачивающимися передними колёсами, с открывающимися дверцами и капотом. Сын садится на корточки рядом с «Доджем» с золотистыми дисками. Я опускаюсь рядом, щёлкнув коленом.

– Малыш, ты в школу хочешь? – спрашиваю я серьёзно.
В следующем году Глебу будет семь.

Сын кивает, продолжая рассматривать «Додж». В лобовом стекле машинки отражаются белые огни равнодушных люминесцентных ламп.

– Готовишься?

– Па-а-ап, давай посмотрим ещё радиоуправляемые.

– Давай, конечно.

Мы сворачиваем на другую улицу, где пахнет пластиком. Здесь тоже есть на что посмотреть. Хотя детский шопинг в целом вдохновляет меня не больше, чем женский. Я просто хочу сделать ему приятно, вот и всё. И, наверное, стремлюсь осуществить это самым простым способом.

Глеб бросается к пластмассовой копии БМВ Х5. Я иду за сыном, глядя на аккуратную лесенку светлых волос на детском затылке.

– Как ты думаешь, сколько у него скоростей?

Я пожимаю плечами.

– Тебя мама постригла? Тебе идёт, красиво.

– А задняя есть? – спрашивает Глеб.

Я оглядываюсь по сторонам, ища консультанта. Я быстро выдыхаюсь, отвечая на детские вопросы. Тем более что мои ответы, в сущности, мало что решат или изменят.

– Знаешь, пап, – сын ставит машину на место и принимается отгрызать ноготь на указательном пальце. – Мне он не нравится.

– Почему?

– Просто не нравится. Давай лучше купим модельку?

Я беру Глеба за руку, и мы идём назад. У него маленькие пальцы, сплошь в заусеницах, с ногтями, обгрызенными почти до крови. Детская ладонь в моей руке влажная и тёплая. Жалость сжимает моё сердце.

– Не грызи ногти, – говорю я. – Там грязь и вообще – болеть будет. Хочешь, я тебе крем куплю специальный? Чтобы кожа заживала?

– Па-а-ап, а тебе какая машина больше нравится? «Феррари» или «Делореан», как у Марти МакФлая?

– «Делореан».

– Так давай купим «Делореан»! – осеняет сына. – Он разгоняется до восьмидесяти восьми миль в час!

– Мы, скорее всего, его не найдём здесь, – искренне сомневаюсь я.

– Почему?

– Потому что он редкий. А модельки продают тех машин, которые часто встречаются в жизни.

Сын обескураженно обводит взглядом стеллажи с миниатюрными автомобилями. Указательный палец снова оказывается во рту. Я беру Глеба за руку и пытаюсь преодолеть его сопротивление.

– Скажешь маме, чтобы тебе пальцы кремом намазала, хорошо?

– Ладно... а почему нет «Делореана»?

– Давай возьмём «Феррари». Может быть, «Делореан» когда-нибудь ещё попадётся. На следующих выходных.

Глеб аккуратно берёт коробку с красной спортивной машиной.

– Нравится? Давай купим и пойдём на улицу. Здесь жарко.

– Пап! У неё значок «Феррари» прямо на капоте, смотри!

– Ты кушать хочешь?

– А почему у «Феррари» на значке лошадь?

– Дома ел? Или нет?

– У «Феррари» самый красивый значок!

– Глеб!

Я не выдерживаю и повышаю голос. Девушка-консультант, охраняющая границу между мирами мальчиков и девочек, поворачивается и смотрит на нас. У неё треугольное лицо, широкое в скулах и острое к подбородку. Совсем как у моей жены.

– Пойдём на кассу, – говорю я сыну.

Он молча поворачивается и идёт вперёд, прижав к себе коробку. Всякий раз мне стыдно, когда я кричу на него.

– Можем ещё что-нибудь взять. К этой машинке. Хочешь?

Глеб не отвечает. Он сосредоточенно смотрит себе под ноги. На полу размещены указатели: «товары для девочек», «товары для мальчиков», «одежда», «детское питание».

Мне приходит в голову, что он не хочет меня слышать. Слова отлетают, как от стенки. В раннем детстве, ещё до школы, у меня появился приятель, с которым я познакомил-

ся, разговаривая через стенку. Мы общались на смежных балконах. Играли в «Морской бой». Ели в лесу кислицу... Или это был уже другой приятель? Не помню. Плохо, что однажды кинешься вспоминать детство, и окажется, что ничего ты по-настоящему не запомнил. Так, лишь запало в сердце одно, другое, третье...

Красную машинку размагничивают на кассе, чтобы её можно было вынести из магазина. Я прячу чек в бумажник. Какая разница, сколько стоит игрушка? Матери Глеба не нужно об этом знать. Ему и подавно.

– Пошли в парк, – говорю я.

Сын шагает молча. Феррари постукивает в коробке, которую он не выпускает из рук. Пожалуй, так мы погуляем ещё час или два, а потом я просто отвезу его домой. Я знаю, что всё это время меня будет сопровождать грызущее чувство потери. Тоски по маленькому ребёнку, который сейчас рядом, но расставание с ним неизбежно. Но что поделать, если жизнь так разделила нас?

– Я по тебе скучаю, – вдруг говорю я. – Ты скучал?

– Па-а-ап, – тянет Глеб, – давай купим сладкую вату?

11

– Мама, мама, я хочу младшего братика, – говорит Гарик Харламов.

– Ты что, он же спит! – говорит Тимур Батрутдинов.

Я поднимаю бокал коньяка и делаю большой глоток. Люся

смотрит Comedy Club. Тихий сонный час между вечером и ночью. В комнате нет другого света, кроме экрана телевизора, и лицо жены в его мерцании то появляется из сумерек, то уходит в тень.

– Ватсон, Ватсон! Ватсон, поднимайтесь, у меня здесь замечательный мотоцикл!

– Что у вас там, Холмс?

– Я говорю, у меня тут опиум и я на скрипке играю. Поднимайтесь!

– Конечно, поднимаюсь!

Люся улыбается. Она любит Comedy Club и смотрит его практически каждый день. Раньше я советовал ей читать книги, но потом отстал с этими советами. Сам-то хорош, много читаю в последнее время? Нет. Книги раздражают меня, как запах табака раздражает человека, бросившего курить. И я успокаиваю себя мыслью, что потребление произведений искусства по большей части никчёмный процесс. Это кажется, что искусство чему-то учит, а на самом деле просто читаешь и коротаешь жизнь.

– Ватсон, ну вы по кругу бегаєте! Давайте идите сюда! Так, давайте сразу. Оп! Опиум, чтобы хорошо. Замечательно! Ватсон, давайте я вам сыграю свой новый менуэт. Вот вы мне сделали, а я вам сыграю!

– Холмс, Холмс, Холмс!

– Шутка, шутка, шутка!

Я поднимаю бокал и осушаю его. Во рту горячо и сладко.

Когда становится так горячо и сладко, легче терпеть это пустое время между вечером и ночью. Терпеть Comedy Club, молчание, неудобный диван и своё собственное бессилие. И я наливаю ещё.

– Ты решил пить каждый день? – спрашивает жена, не отрываясь от телевизора.

– Сегодня выходной, почему бы нет?

– Вчера был ром, сегодня коньяк.

– Ну и что, – я пожимаю плечами. Жидкость в бокале кажется тёмной, как крепкий чай.

– За наше общее здоровье! – говорю я. – За здоровые репродуктивные функции. Аминь!

Люся качает головой и утыкается в смартфон. Последние месяцы она много времени проводит так, читая беспрестанные сообщения в мессенджерах и отправляя реплики в ответ. Пожалуй, эта переписка уже весит около миллиона знаков, считая пробелы. Ровно столько мне бы хватило, чтобы отдать в издательство новый роман под своим именем.

– Рядом с уликой вторая улика. Так, смотрите: оп! Одну убили. Что произошло? Убийство! Мотива – ноль. Убийца я! Как вам?

– Но как вы догадались, Холмс?

– Ватсон, всё. Я так больше не могу. Вы дебил. Вы дебил, Ватсон. Вообще, откуда вы взялись? Кто вы такой, а? Скажите мне, кто вы такой!

Я иду на кухню, чтобы отрезать себе ещё сыра. Я предпо-

читаю сыр к крепким напиткам и мясо к вину. И не люблю пить алкоголь с большим количеством пищи. Может быть, в этом и правда есть какая-то склонность к пьянству. Во всяком случае, к тому, чтобы после сорока лет окончательно заглушить все голоса, ещё звучащие у меня в голове. Ждать этого недолго. Я уже вступил в период необратимых возрастных изменений в организме мужчины. Так, во всяком случае, сказал андролог, а ему нет причин мне врать.

– Включим свет? – говорю я, когда возвращаюсь.

– Не надо, глаза болят.

Мне приходит в голову, что от телеэкрана глаза должны болеть ещё больше, но решаю ничего не говорить вслух. Какое счастье, что нам дана такая возможность – молчать, оставляя все слова в себе.

– Доктор? Доктор чего? Что вы лечите? Вы гинеколог, уролог, венеролог? Кто вы такой?! Откуда вы взялись? Жил себе Холмс один, и вдруг – бац! Ватсон! Откуда вы взялись? Кто вы такой? Почему я должен жить с каким-то мужиком?! Объясните мне! Вы знаете, что про нас уже в Скотланд Ярде говорят? Я, гений частного сыска! Задумайтесь, просто задумайтесь: вы хоть раз помогли мне раскрыть хоть одно преступление? Доктор Ватсон? И вообще, у вас имя есть? Как вас зовут? Шерлок Холмс и Доктор Ватсон! Я здоровый мужик, мне не нужен доктор, понимаете?!!

Гарик Харламов, привычно переигрывая, нагнетает истерику и без того в непростой атмосфере полутёмной комнаты.

Люся хрипло смеётся, наконец убирая смартфон.

– Ты же недавно смотрела эту миниатюру? – спрашиваю я. – Я прекрасно помню эту шутку про Ватсона. Буквально на днях.

– Ну и что? – говорит она. – А что мне делать? Смотреть, как ты наливаешься?

– Просто поговорить.

– Ты всё равно со мной не разговариваешь. Почти.

– Потому что если я всё время стану разговаривать, то не буду слышать собственных мыслей, – раздражаюсь я.

– Ну, а так ты не слышишь моих мыслей. Тебе плевать?

– Нет.

Злость ищет выхода, хочет прорваться десятками обидных ядовитых слов. Я всегда быстро закипаю, если выпью. Что делать, когда и так чувствуешь, что стоишь на каком-то краю и размахиваешь руками, дабы не свалиться вниз?

– Наше здоровье, – мрачно салютую бокалом, – наше бедное репродуктивное здоровье.

Смартфон жены мелодично пиликает, уведомляя о новом сообщении. Она берёт его и сосредоточенно что-то пишет в ответ. Я делаю очередной глоток. Горячо и сладко.

– Стойте... Стойте... не обижайтесь. Это всё опиум, – утешает меня Харламов. – Одевайтесь, звонили из Баскервиля. Там какая-то собака. Одевайтесь, поехали.

Я складываю губы трубочкой и медленно выдыхаю воздух. Хочется включить свет и прогнать все тени, что толпят-

ся в комнате.

– Кстати, – вдруг говорит Люся, – хотела тебе кое-что показать. Пока ты ещё что-нибудь соображаешь.

Я криво ухмыляюсь в ответ. Мне хочется вложить в эту гримасу своё презрение к её косности и самодовольству. К этим глупым и пошлым шуткам, которыми она накачивается так же, как я напиваюсь коньяком. Но получается жалко. Почти виновато. Наверное, я и правда в чём-то виноват, раз так себя чувствую.

Жена идёт в ванную, и я, воспользовавшись передышкой, зажигаю свет и закрываю жалюзи. По телевизору начинается реклама.

– Смотри, – говорит Люся, возвращаясь.

Она протягивает мне узенькую картонную полоску. Половина её выкрашена в синий цвет. На конце чёрная отметка. Посередине чёрточка красно-коричневого тона. Я знаю, что это такое. Сто раз уже видел. Тест на хорионический гонадотропин человека, вот что это.

– И что? – говорю я.

– Тест на беременность. Отрицательный, конечно. Я не беременна. А ты пей дальше.

Реклама прерывается. Люся выключает телевизор на полуслове, и я тоже не знаю, что мне сказать. Я только чувствую, что должен объясниться и донести свою позицию, но руки опускаются в бессилии и отчаянии. Точно невидимые пальцы сжимают горло. Точно у меня больше нет слов. Нет

своих слов. Ни одного.

Люся оставляет тест на столе и уходит в нашу спальню. Я допиваю коньяк. Потом, чувствуя, что мне не хватает воздуха, открываю окно. В воскресенье вечером дороги пусты. Только маршрутное такси гудит двигателем, взбираясь на небольшой подъём.

– Если ты решишь сейчас поехать куда-нибудь в гости, купи мне выпить! – кричу я в тишину квартиры.

Большая тёмная бабочка залетает в окно и принимается метаться под потолком. Я решаю, что это плохая примета.

12

– Раздевайтесь, – говорит медсестра, – Ваши вещи отнесут в палату, не беспокойтесь.

Она хорошенькая. Тёмное каре очерчивает её лицо, словно багет картину. Нежные линии белья проступают под полупрозрачным белым халатом. Я смотрю на очертания её лифчика и нервничаю ещё сильнее. Не из-за вещей, конечно. И, в общем-то, не из-за того, что мне нужно раздеться.

– Всё снимайте, – поясняет она, мельком взглянув, как я вожусь со штанами. На полу операционной чисто, но я всё равно чувствую себя неудобно босиком где-либо кроме пляжа или собственной квартиры.

Я снимаю штаны и трусы и складываю одежду в бумажный пакет, который мне дали. Оставшись голым, неуверенно сажусь на холодный дерматиновый стул. И тут же встаю, не

зная, что делать дальше и какую позу принять, когда на тебе нет даже плавок. Я стараюсь напустить на себя спокойный вид, но чувствую, как трясутся поджилки. Разве что зубы не стучат мелкой дробью.

– Можете пока это надеть, – говорит хорошенькая медсестра, протягивая мне одноразовый голубой халат. Я просовываю худые руки в короткие рукава. Спереди халат не застёгивается. И в нём я чувствую себя ещё больше голым, чем без него.

В операционную заходит пожилой врач, седой как негатив. На нём лиловая хирургическая униформа. Все вокруг сейчас выглядят хорошо и буднично, кроме меня, поджимающего волосатые ноги, сидя на дерматиновом стуле в халате из спанбонда.

– Подпишите, пожалуйста, – протягивает мне документы врач. У него на безымянном пальце жёлтое кольцо с блестящим камнем. Очевидно, женат, есть дети.

– Это согласие на хирургическое вмешательство и наркоз. Прежде общий наркоз вам делали?

– Нет, никогда, – я сглатываю слюну.

– Хорошо.

– Аллергия на препараты?

– Нет, кажется.

Врач уходит. Но через минуту возвращается с моим знакомым Сергеем Ивановичем. Андрологом с рыжей бородой и внешностью уездного врача из булгаковских рассказов.

– Раздевайтесь, ложитесь на стол, – говорят они не церемонясь.

На слабеющих ногах я иду к ужасной конструкции посреди яркой комнаты с кафельными стенами. Больше всего это похоже на широкий крест – длинная продольная часть для тела и ног, две поперечные планки – для рук. Я ложусь на это распятие и упираюсь взглядом в яркий слепящий свет над головой.

«Может, помолиться?» – мелькает у меня в голове. Чтобы всё было хорошо... Какие слова нужно произнести для этого? «Отче наш, сущий на небесах»?

Из-за этого света я почти ничего не вижу вокруг, только чувствую, что мне фиксируют распластанные руки, словно я собираюсь вскочить и сбежать от этого ужаса и беспомощности.

На мгновение свет ламп заслоняет лицо наклонившегося анестезиолога. На нём брезгливое и жалостливое выражение, с каким смотрят на попавшую под машину кошку.

– Мы сейчас сделаем премедикацию. Это успокоит. Можете почувствовать слабость.

В вену небожно вонзается игла. Чьи-то руки одновременно подсоединяют манжетку для изменения артериального давления. На грудь ставят электродные датчики для регистрации электрокардиограммы.

Я прислушиваюсь к себе, пытаюсь почувствовать момент действия препаратов. И, кажется, в это самое время теряю

сознание.

13

– Вы слышите меня? – звучит в темноте чей-то голос.

– Да, – говорю я трудным шёпотом.

Первое ощущение, которое возвращает меня из небытия, – сильная боль в горле. Точно пока я спал, у меня началась ангина. Потом я вспоминаю про интубацию трахеи. Про искусственную вентиляцию лёгких. Наверное, мне только что достали эту самую интубационную трубку, вот и саднит гортань.

Свет в операционной проникает даже через закрытые веки. Кроме боли в горле, я больше ничего не чувствую. Мне хорошо и спокойно, хочется просто спать и долго не просыпаться. В какой-то момент я и на самом деле проваливаюсь в сон, но прихожу в себя, когда меня принимают за переключать с операционного стола на каталку.

Лампы на потолке медленно проплывают надо мной, пока меня везут в реанимационную палату. В палате я делаю попытку самостоятельно перебраться с каталки на койку, но сильная боль внизу живота сразу отнимает все силы. Точно меня несколько раз ткнули ножом, но не зарезали насмерть, а лишь оставили калекой.

Андролог здесь, рядом. Он не улыбается, но и не выглядит встревоженным.

– Всё хорошо? – спрашиваю я.

– Да, операция прошла нормально. Как вы себя чувствуете? Головная боль, тошнота?

– Живот ноет.

– Швы будут болеть несколько дней. Если сегодня боль усилится, скажите. Дадим обезболивающее. Постарайтесь не вставать несколько часов, а к вечеру уже можно. Тогда переведём обратно в вашу палату. Сутки побудете у нас, потом отпустим домой.

– Спасибо, – я киваю. После наркоза всё вокруг кажется каким-то зыбким. И глаза точно не успевают за движениями головы.

Когда он уходит, я приподнимаю простынь и смотрю на своё тело. Прямо под пупком приклеена пластырем плотная марлевая блямба. Ещё две – справа и слева от лобка, который меня попросили побрить перед лапароскопией. Сильнее всего болит там, где пупок. Отзывается на каждое движение. Я опускаю простынь и закрываю глаза. Какой смысл жаловаться на боль, которая всё равно пройдёт?

Так истекает час или два. Я скольжу по поверхности сна, как водомерка по луже, не проваливаясь в него с головой и не выныривая из дрёмы. Теперь в моём теле есть титановая клипса, которая останется внутри навсегда, до самой смерти. Когда год назад у меня выпал зуб, я долго мучился чувством безвозвратной потери. Этот кусочек моей плоти, оторвавшись от организма, будто сразу на шаг приблизил меня к смерти. А сейчас где-то среди моих внутренностей по-

явилась новая деталь, которая прежде не имела ко мне отношения, а теперь она – часть моего сложного и запутанного устройства. Всё честно, всё правильно. Жизнь обязательно компенсирует наши потери и поражения, вот только ни за что не угадаешь, как именно она это сделает.

В палате возникает медсестра. Она даёт градусник. Я с удовольствием зажимаю прохладное стекло подмышкой.

– Подержите минут пять, потом оставите на тумбочке, я заберу.

Я держу все десять, послушный и терпеливый пациент. Делайте со мной что угодно, пусть только моё семя вновь станет плодородным.

Медсестра возвращается через четверть часа.

– Тридцать семь и пять, – говорю я ей, глазами показывая на тумбочку.

– Повернитесь на бок, – просит медсестра. В руке у неё шприц. Это антибиотик.

Я немощно переворачиваюсь, являя девушке слабые ягодицы. Все эти медицинские манипуляции и осмотры, разговоры о сперме и яйцеклетках постепенно притупляют моё чувство стыда. Всё личное выставлено напоказ. То, что должно быть тайной, стало предметом внимания посторонних людей. Вывернута наизнанку вся интимная жизнь, и я раз за разом вынужден унижительно признаваться в своей несостоятельности. Меня это расстраивает, очень. Кто знает, что ещё нам с Люсей предстоит пережить? Как жаль, что всё

так вышло.

Точно откликаясь на мои мысли, жена появляется на пороге палаты. Они с медсестрой смотрят друг на друга, прежде чем одна решает зайти, а другая – выйти.

Люся подходит ко мне и становится рядом, глядя сверху вниз. Я улыбаюсь ей. Я ведь и правда рад её видеть. А что она? Рада ли? Может, больной и слабый, я просто делаюсь ей более интересен? У неё всегда было какое-то нездоровое влечение к умершим. Она может долго и искренне сопереживать почти чужому человеку, потерявшему близкого родственника. Случается, за компанию ходит на похороны тех, с кем была едва знакома. Всегда сообщает мне новости, если скончалась какая-то знаменитость. Вдруг и сейчас слабая тень смерти на моём лице делает его привлекательнее?

Жена садится на корточки и целует меня.

– Привет, – говорю я. – Вот и всё, не так уж и страшно. Раз, и починили.

– Покажи, – просит Люся.

Я поднимаю простынь. Жена трогает кончиками пальцев мой белый живот. Осторожно гладит марлевые блямбы. Поправляет немного отклеившийся пластырь.

– Больно?

– Да.

– Маленький мой.

Мне делается стыдно за всё, что я наговорил ей в последние дни.

– Завтра должны выписать.

– Я знаю, я говорила с врачом.

– Уже? И что он сказал?

– Тебя дольше оперировали, чем они рассчитывали. Говорят, оказалась довольно сложная сеть кровеносных сосудов. Даже пришлось звать на помощь второго хирурга.

Я прислушиваюсь к болезненным ощущениям внизу живота. Наверное, там всё расковыряли сильнее, чем предполагалось.

– Вот твоя одежда, – Люся кладёт бумажный пакет рядом со мной. – Помочь тебе одеться?

– Не надо, – я морщусь, – не сейчас, я сам потом попробую. Меня вечером всё равно вернут в общую палату.

– Есть пока нельзя, – продолжает Люся, – поэтому я ничего не принесла. С утра будет можно.

– Я и не хочу, если честно.

– Не тошнит?

– Нет. Просто не хочу.

Жена снова рассказывает о том, как прошла операция. Но я не очень-то внимательно её слушаю. Я сосредоточен на себе. Больное тело без остатка отдаётся своему недугу. Болезнь есть высшее проявление эгоизма.

В палату снова заходит медсестра с очередным шприцем. Я послушно оголяю зад.

– Вам лучше уйти, – говорит она Люсе.

– Я тебя очень люблю, – шепчет жена мне в ухо.

– Я тебя тоже, – целую нежно её в ответ.

В правую ягодицу вонзается игла забвения. После укола снова тянет в сон. Я отворачиваюсь к стене и выключаю у телефона звук. Во сне время пройдёт быстрее. Сон приблизит меня к тому моменту, когда жизнь даст мне что-нибудь взамен этой боли. Ведь не бывает так, чтобы совсем ничего не получать взамен потерь, правда же?

И я закрываю глаза с одним только желанием: побыстрее закончить этот день и начать следующий.

Должно быть, мне снится сон. Я вижу, как захожу домой. Громко работает телевизор. Идёт очередной выпуск Comedy Club. Ноги движутся тяжело и медленно, точно я шагаю по колену в воде. Но я упрямо иду, преодолевая сопротивление, к закрытой двери комнаты, которая раньше была детской. Лишь у самой двери я остаиваюсь в нерешительности. Что я там увижу? Чего я жду?

Сердце стучит часто и сильно. Это так мучительно, когда жизнь то дарит надежду, то отнимает её. Вот и сейчас мне страшно оттого, что надежду снова отнимут. Даже сейчас, во сне. Ведь это всегда может случиться, спишь ты или бодрствуешь.

Я прислушиваюсь – за дверью ни звука. Только телевизор надрывается в пустоте квартиры, которая кажется чужой и страшной. Словно в ней живут не люди, а призраки.

И я открываю дверь.

У противоположной стены стоит кроватка. Точно такая, в

какой спал мой сын. Белая, с мягкими бортиками по краям. В кроватке стоит девочка лет трёх. Она черноволосая, одета в ночнушку, светлую, как утренний туман. Личико бледное, и глаза глядят на меня внимательно и строго. Одной рукой девочка держится за край кровати, вторая опущена вниз, будто в ней что-то тяжёлое.

Это же наша дочь, догадываюсь я внезапно и делаю шаг вперёд.

– Папа, – говорит она. Я готов расплакаться прямо сейчас. Я иду к ней вязкими шагами, ужасно медленно и не приближаясь при этом ни на метр.

– Папа! – повторяет она громче, и в её детском голосе неожиданно звучат угрожающие нотки. – Где ты был? Разве ты не знал, что я родилась?!

– Я... – я хочу хоть что-нибудь сказать, и не могу произнести ни слова.

И тут она поднимает вторую ручку, которая всё это время была скрыта бортиком кроватки. В ней чёрный пистолет. Неестественно огромный, по сравнению с ребёнком.

– Я ждала тебя столько лет! – говорит она внезапно изменившимся голосом. Скрипучим и старым.

Девочка направляет пистолет на меня и стреляет прямо в живот. Как раз туда, где белыми шрамами остались крестики лапароскопии.

Я засовываю ей руку прямо в трусы. Я ещё первый раз хотел так сделать, когда мы только познакомились. Наверное, тогда это было неуместно. А теперь Лиза не то чтобы рада моему вторжению, но и не стремится избавиться от пальцев у неё в промежности. Я тоже не тороплюсь. Наслаждаюсь моментом.

Этот момент всегда особенный. Мне уже тридцать пять лет, а я всё равно как в первый раз дрожу, когда рука преодолевает сопротивление резинки трусов и проваливается в женскую пустоту ниже лобка. И ещё эта округлость, точно специально созданная под размер ладони. И эти короткие жёсткие волосы. И эта щель, которая раскрывается, когда нажимаешь на неё пальцем.

Мы стоим и целуемся в парке. Её платье задрано до пояса, и моя рука у неё в трусах. Всего лишь второе свидание, а я уже так здорово продвинулся. В прямом и в переносном смысле. Что же будет дальше, чем всё это кончится?

– Какой ты быстрый, – говорит Лиза. Совсем как тогда, во время нашей первой встречи.

У неё влажно и тепло внизу. Я с неохотой, медленно вытаскиваю руку. Пальцы скользкие от этого преступного проникновения. Во рту стоит вкус её слюны и чего-то ещё. Наверное, юного возбуждения и желания секса. Ведь я ещё могу вызывать такое желание? Спросить у неё об этом или она сама даст мне знать?

Лиза одёргивает платье. У неё раскраснелся рот от моих

поцелуев. У меня болят швы от операции. Лучше всего я себя чувствую, когда стою ровно или лежу. Наклоняться и обниматься мне трудно. Собственно, мне вообще не очень-то ловко с этой девчонкой, которая на вид в два раза меня младше. И как я решился засунуть ей свои пальцы?

– Сколько тебе лет? – спрашиваю я. – Ты мне так и не сказала.

– Не бойся, из-за меня тебя не посадят, – ухмыляется она.

– Восемнадцать?

– Пятнадцать.

– Ты!..

– Шучу, шучу! Семнадцать. А тебе?

– А я старый.

– Совсем старый?

– Мне тридцать... пять.

Лиза свистит и округляет глаза. Мне плевать, что она сейчас думает. Много это или не очень для неё? Меня её юность вполне устраивает. Меня будоражит эта сумасшедшая разница.

– Тебе не дашь столько, – говорит Лиза. – Ты ещё ничего, молодо выглядишь.

– Гены, – говорю я, – в мать пошёл, она тоже долго не старела.

– И седых волос нет, – рассматривает она мою голову.

– Издеваешься? Я же не пенсионер всё-таки!

– Но ты всё равно старый! – Лиза капризно морщит лоб. –

Почему тебе не восемнадцать? Было бы тебе восемнадцать, всё было бы проще.

Насчёт этого я сомневаюсь. Мне никогда не было просто с девушками. Ни тогда, ни сейчас. В её возрасте я встречался с замужней двадцативосьмилетней женщиной. Наверное, её тоже будоражила разница между нами. Она снимала передо мной трусы и подставляла волосатый рыжий лобок, а я задыхался от возбуждения и даже не понимал, что с этим делать. Потом она помогла потерять мне девственность и попыталась покончить с собой, когда мы расстались, а её муж спустя две недели выбил мне зуб. С тех пор я больше её не видел. Но слышал, что от мужа она так и не ушла, и другие любовники моего возраста у неё ещё были.

– В отношениях всегда непросто, – изрекаю я, – иначе писателям не о чем было бы писать. Это я точно знаю.

– Слушай, писатель, – Лиза гладит меня по груди, а потом доверчиво прижимается, как младшая сестрёнка, – придумай для меня одну вещь, можешь?

– Какую вещь?

– Название для группы. Только не смейся. У нас с девчонками есть проект. Женская группа. Мы будем читать рэп. И нам нужно какое-то название. Мне всё не нравится, что они предлагают. Они хотят на английском, а я считаю, что это должно быть русское название.

– В общем, да, – соглашаюсь я, – лучше, конечно, на русском.

– Вот и придумай.

– «Южный фронт», – ляпаю я.

– Почему?

– Звучно, – пожимаю я плечами, – и есть местный колорит. Можно ещё как-то иначе обыграть слово «южный». Например, у нас есть объездная улица – Южный Обход, тоже неплохо, а?

Лиза задумывается. Я рассматриваю её профиль. Она красивая. Безо всяких этих писательских условностей вроде «она была бы хороша, если бы не слишком близко посаженные глаза». Или «у неё были приятные, хотя и не совсем правильные черты лица». Нет, ничего такого. Просто красивая, и всё.

– Южный обход – круто, – говорит она. – Ты молодец. Может, ещё тексты будешь нам писать?

Вместо ответа я её целую. Когда она в ответ обнимает меня за шею, сжимаю руками её ягодицы и сильно прижимаю к себе.

– Ну, хватит, – Лиза шутливо отталкивает меня. А может, и правда немного опасается моих приставаний. Особенно после того, как узнала про мой возраст. Меня-то её «семнадцать» (или «пятнадцать»?!), наоборот, распалили. И задница у неё крупная не по годам. Я снова пытаюсь за неё ухватиться.

– Хва-а-а-атит, – капризничает она. – Пошли лучше погуляем.

– Слушай, а ты красивая, – говорю я. – Будешь популярна.

Лиза краснеет и берёт меня за руку. У неё на большом пальце правой руки зелёное малахитовое колечко.

Мы двигаемся по аллее, усаженной каштанами. Саранчи теперь почти нет. В городе ей не выжить, тут асфальт и вечно голодные воробьи. В городах могут жить только люди, и то не всем это подходит. Хотя я, например, всегда предпочитаю дома и улицы дикой природе. Мне уютно и хорошо в мире, созданном людьми, а в безлюдных местах – где-нибудь в лесу или на море – скучно. Вот и сейчас я тороплюсь выйти из парка и оказаться где-нибудь на проспекте. Пусть даже нас там могут увидеть. В сущности, что такого, если нас увидят? Решат, что у меня молодая любовница? Но разве это так заметно со стороны?

– Я... – начинает Лиза.

– Знаешь... – вспоминаю я.

Мы заговариваем вместе, сталкиваемся первыми словами и снова молчим. День сегодня чудесный, и небо такое, будто кто-то разорвал в клочья ватное одеяло. Я бы предпочёл вообще не разговаривать, когда стоит такой хороший день. Лучше снова запустить руку ей в трусы и щупать там, а не придумывать темы для разговора. Это когда тебе двадцать лет, легко быть остроумным и интересным; совсем другое дело, когда тебе уже тридцать пять. А скоро и вовсе сорок. Пусть она меня спрашивает о чём-нибудь, пусть интересуется моим внутренним миром, я могу рассказать о чём угодно.

Только, ради бога, не заставляйте меня быть таким, каким я был в юности. Я уже не тот, мне трудно притворяться влюблённым.

– Я тебя перебил, – подсказываю Лизе. – Что ты хотела сказать?

– Да ничего особенного.

– Ну всё-таки?

Лиза улыбается вместо ответа. В её улыбке кроется какая-то хитрость. Эта хитрость, конечно, здорово всё портит. Я же вижу, что она хочет произвести на меня впечатление. Она хочет, а я нет – вот в чём разница между нами. Я-то знаю, чего от неё добиваюсь. Чего ей от меня надо?

– Я хочу тебе рассказать одну историю, – говорит она, – если интересно.

Самое интересное в Лизе – это, конечно, её возраст. Но историю я тоже готов выслушать. Может быть, она мне подскажет что-нибудь, как прервать моё затянувшееся литературное молчание?

– Я лунатик, – заявляет она.

– Как?

– Самый настоящий лунатик.

– Ходишь во сне?

– Да!

– Ну ладно.

– Правда.

– И не просыпаешься?

– Нет.

– А как ты узнала, что ты ходишь?

– Два дня назад был один очень странный случай.

– Какой?

Лиза облизывает губы. Нам жарко. Прежде я любил лето и не любил зиму, а теперь, кажется, лето мне тоже становится не по нраву. Я многое разлюбил за последние годы. Подозреваю, что изменчивая любовь и нелюбовь к разным временам года – всего лишь свидетельство каких-то разрушительных перемен внутри меня. И бесплодие, наверное, тоже где-то в этой череде неочевидных закономерностей.

– Только никому не говори.

– Что ты!

С каждым годом лето – будто всё жарче. И вокруг только и разговоров об этом. Большинство находит, что да, климат меняется, я и сам не припомню, когда так потел и страдал. Мне тоже с возрастом начинает казаться, что я ещё не заставлял ни такого жаркого лета, ни такой холодной зимы, ни такой одинокой осени.

– Я лунатик, – снова говорит Лиза. У неё легкий пушок на верхней губе. Наверное, с годами он потемнеет. Во что она вообще превратится, когда доживёт до моих лет? Будут ли у неё дети?

Мы доходим до конца аллеи, разворачиваемся и идём в обратную сторону. Кажется, я нашёл в ней недостаток. Теперь всё время буду думать про этот пушок, когда станем

целоваться. И в трусах у неё жесткие юные волосы. Но это даже хорошо. Вот у моей жены там нет никаких волос, и я не особо от этого в восторге. Меня возбуждает в женщинах животное начало. До известного предела, конечно. Правда, этот предел я устанавливаю себе сам.

– Мне приснился сон, будто я очень хочу в туалет и никак не могу найти место. Ни присесть, ни юбку задрать.

– Какой интересный сон, – говорю я.

– Погоди, дело не в этом. Сон внезапно меняется. И я оказываюсь в ванне с какой-то девушкой.

– Какой интересный сон, – повторяю я.

– Она ложится на дно ванны, а я сажусь над ней и начинаю ссать прямо на неё. Так приятно ещё стало во сне. Я чуть не кончила. А потом получается так, что это ванная в нашей с мамой квартире. И я просто выхожу, иду к себе в комнату и ложусь спать.

– А девушка?

– Ну, она куда-то делась. Наверное. Не знаю. Не в этом же дело.

– В чём дело?

– В лунатизме. В общем, я проснулась рано. В пять утра, может. Солнце уже светило, как сумасшедшее. И я встала. Пошла в коридор, а там шкаф – дверцы настежь, половина вещей на полу. И посреди них моя сумка. Открытая. Полная моей мочи.

– Ого, – говорю я.

– Ого-го! И по полу тоже растеклось. Сумка вся раскисла. Это я сделала. Встала во сне, дошла до шкафа, вытащила оттуда сумку и нассала в неё. А потом опять легла.

– Напиши песню об этом, – я пытаюсь иронизировать. На самом деле я возбудился. Я тут же представил, как всё это происходит – всё, что было в её сне.

– Прикалываешься? При чём тут песня? Это же страшно. А вдруг я так с ума схожу? Если я вот так ночью встану и убью кого-нибудь?

– Кажется, был такой фильм...

– Я теперь всё время об этом думаю.

– Я теперь тоже.

– Нашёл о чём думать.

– А зачем ты мне такое рассказала?

– Потому что я боюсь.

А я думаю, чтобы произвести на меня впечатление. Но вслух этого, конечно же, не говорю. Пусть не знает, что я её раскусил. Я же в два раза старше, в десять раз опытнее, мне это не трудно. Мне и промолчать лишний раз не сложно. Мне бы, наоборот, собраться со словами, найти их.

– Если это было один раз, то ещё ничего не значит, – успокаиваю я, – может, ты просто так взрослеешь.

– Я и так взрослая, – говорит Лиза.

Какая она вульгарная, думаю я про себя. Молодая, хочет казаться раскованной и опытной. Вот взяла и запросто рассказала, как обмочилась во сне. Моя жена никогда мне ниче-

го такого не рассказывала. Интересно, она мне изменяет? И если изменяет, то в разговорах с другим мужчиной она употребляет такое слово, как «ссать»?

– Конечно, мы оба взрослые.

– А почему ты развёлся?

– Жена полюбила другого.

– Ты её до сих пор любишь?

– Нет.

– Хочешь вернуть?

– Нет.

Меня злят эти вопросы. Дурацкие. Девчачьи. Я уже не в том возрасте, чтобы отвечать на такие вещи всерьёз. Я уже всерьёз ни в чём не уверен. Откуда я знаю, какую жизнь хотел бы прожить, и с кем? Сначала я хотел вернуть первую жену. Потом я хотел вернуть сына. Да кто мне его вернёт? Что упало, то пропало. У мужчин нет никаких прав на детей. Если у тебя отберут ребёнка или просто встанут между ним и тобой, тебе не поможет ни любовь, ни жертва.

– У тебя парень есть? – вдруг спрашиваю я, перехватывая инициативу.

– А я не знаю, – ухмыляется Лиза.

– Как это?

– Вот так. Пока не знаю.

Ах, вот оно что. Это намёк. Мол, сложится у нас что-то серьёзное или нет. Ох уж эти двусмысленные слова, приподнимающие тайну, как юбку. Впрочем, тут и тайны-то ника-

кой нет. Для меня эта девчонка вся как на ладони. Со всеми её надуманными причудами. Для меня пока тайна, что у неё в трусах. Я бы там разобрался подробнее, в другой раз.

– А говоришь, взрослая, – разочарованно тяну я, – вот подрастёшь и всё узнаешь про парней.

– Думаешь, я девочка? Боишься?

Я снова её целую. Я уже это делал, знаю. Мужчины и женщины только воображают, что они совершают что-то особенное в любви и в постели. А на самом деле всякий раз одно и то же. Все на один лад. Женщина одна, лица разные.

Когда-то я думал, что никогда не избавлюсь от привычки постоянно влюбляться. Но всё проходит, прошло и это. Вот, надо же: такая возможность, чтобы влюбиться сейчас, – и не могу! Не хочу. Скучно. Лень. Даже не верится, что когда-то я мог навязчиво целыми днями думать об одной и той же девушке. Мысленно с ней разговаривать. Мечтать о ней. Словно моё бедное сердце взяло и отказалось от функций, которые ему больше не нужны. Без возможности всё восстановить. Но я-то, конечно, приспособился жить и с таким сердцем. Просто иногда боюсь, что мой творческий кризис как раз из-за этого. Из-за этой пустоты, которую я ничем не хочу заполнить.

– Хочешь прийти к нам на репетицию? – спрашивает Ли-за.

– Хочу, – вру я. Меня её репетиция мало интересует. И вообще, не хотелось бы видаться с ней при свидетелях. Она

начнёт со мной обниматься. Все всё поймут. Решат, что мы встречаемся. А это уже измена, скандал. Я, откровенно говоря, боюсь таких скандалов. И репутации неверного мужа тоже боюсь. Я привык думать о себе совершенно иначе. В своих сексуальных фантазиях я всегда представляю собственную жену даже тогда, когда с ней трахаюсь. Верный муж, так это называется? Пожалуй, да.

– У тебя наверняка появятся какие-то идеи, – размечталась она. – Ты нас послушаешь и что-нибудь подскажешь. Ты же писатель? Ещё и старый к тому же.

– Не называй меня старым.

– Был бы не старым, всё было бы по-другому.

– Как?

– А я не знаю.

И всё же интересно, изменяет ли мне Люся? Наверное, нет. Точно нет. Я уверен, что не изменяет. Но совсем не понимаю, почему. Что такое её верность мне? Страх? Лень? Благодарность? Или нерешительность?

– Ты странная, – говорю я.

– Угу, – кивает она. Я ей польстил. Это лучший комплимент, то самое, что она от меня хочет слышать. Она воображает себя особенной, ищет этому подтверждения в других людях, как в живых зеркалах. Но я кручусь ужом, не хочу, чтобы она в меня смотрелась. Лучше бы сам на неё попялился.

– Ты странная, но красивая, – добавляю я.

– Не такая уж и красивая, – неуверенно сомневается она, – в детстве вообще была страшенькой. У меня ещё и один зуб кривой.

И пушок растёт над верхней губой.

– В детстве все девочки так себе.

– Не все! Красивые вырастают в красавиц. Некрасивые становятся страшилами.

Я решаю, что она права. Кто-то пытается следить за собой и ходит в спортзал. Кто-то старается произвести впечатление умением шутить и заставлять смеяться. Кто-то даже пишет песни, чтобы другие люди считали его привлекательным. И каждый хочет быть красивым, зачем себя обманывать. Просто женщины это меньше скрывают. Их желание красоты всегда на виду. Они все только о ней и мечтают. Надуманной и настоящей. Естественной и искусственной. Какой угодно. Но знаете, что я думаю? Красивой можно только родиться. Вот и всё.

– Мне пора, – говорит Лиза, – через пятнадцать минут мама будет ждать. Мы пойдём покупать новый телефон. Она обещала.

– За хорошую учёбу?

– Ну да.

Аллея заканчивается. Мы сворачиваем на проспект. Люди ходят туда-сюда, не обращая на нас внимания. Но всё равно, пожалуй, не стоит её целовать здесь, у всех на виду. Я просто беру Лизу за тонкую руку с малахитовым колечком на

большом пальце.

– Ты всё выдумала про свой лунатизм, да?

Она пожимает плечами. Мы расходимся, договорившись встретиться снова. А я запоминаю её рассказ, её дыхание, которое пахнет сексом, и покрытый жёсткими волосами лобок.

15

*Девочка с далёкою судьбою,
До тебя семнадцать зим лететь,
Может, молча посидим с тобою?
Даже если незачем сидеть?*

*Но она вдруг перестала улыбаться,
Закричала, закатив глаза:*

*– Почему тебе не восемнадцать?!
Почему ты сразу не сказал?!*

*– Что теперь, мне попросить прощенья?
Хорошо... Ну, будет... Извини...*

*У меня совсем другое время,
У меня совсем другие дни.*

*– Знаешь, можешь сильно не стараться,
И не быть ни братом, ни отцом,
Почему тебе не восемнадцать...*

...И заплакала, закрыв лицо.

16

– Я вчера написал стихотворение.

– Правда?

– Да... и такое странное чувство. Я думал, что стихов больше писать не буду. Но было настроение... И пришло это...

– Вдохновение?

– Да. Точно. Настоящее вдохновение. Как раньше.

Мы снова сидим с моим издателем в кафе, в горячей тени каштанов. Мы пьём пиво, хотя врач не рекомендовал мне этого делать. Врачи мне многого теперь не рекомендуют, да что с того. Где они были раньше, когда мои тестикулы производили достаточное количество сперматозоидов, чтобы зачать ребёнка? Лучше я буду пить и жить так, как жил прежде. Лучше я вообще не буду иметь никаких надежд, чем без конца разочаровываться в своей состоятельности.

– У тебя любовница?

– П-почему? – я ошарашен таким предположением. Разве у меня на лице написано?

– Раз на стихи потянуло.

– Я их и раньше сочинял.

– То раньше, – говорит издатель. У него есть имя, конечно же. Немного странное, на мой вкус. Руслан. И фамилия тоже странная – Корф. Но мне приятнее думать о нём как

об издателя. Точно так же, как льстит считать себя писателем. Кроме того, мне часто неловко обращаться в разговоре к человеку по имени. Сам не знаю почему. Да и зачем, если можно просто сказать «ты»? Или вовсе обойтись без имён и местоимений. Если вас всего двое, то и так понятно, к кому именно ты обращаешься.

– У меня на этот счёт есть одна теория, – говорит он. – В юности почти у каждого без исключения человека есть некий лирический заряд. Который, так или иначе, хочется использовать. Он не даёт покоя. Ждёт повода. И повод обязательно находится, например влюблённость. Человек пишет стихи. Одно, второе, третье, постепенно расходуя свой запас лирики. Который не восстанавливается, как не восстанавливаются нервные клетки. Особенно после коньяка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.